

The background of the poster features a woman wearing a black top hat. Her face is a white skull with dark eye sockets and a wide, toothy grin. She is holding a glowing DNA double helix structure that spirals across the frame. The DNA is rendered in a textured, 3D style with a bright yellow and orange glow at its center. The background is a deep blue with faint, glowing DNA structures and several small, colorful spheres (pink, blue, purple, green) floating around. The overall aesthetic is a blend of science fiction and horror.

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

ПО
СЛЕДАМ
ГРОМКИХ
ДЕЛ

ДНК НЕЗЕМНОЙ ЛЮБВИ

Татьяна Степанова

ДНК неземной любви

«ЭКСМО»

2010

Степанова Т. Ю.

ДНК неземной любви / Т. Ю. Степанова — «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-44244-7

Такого странного, загадочного дела в практике МУРа не было никогда... По ночам на московских бульварах находят жертв страшных и чудовищных преступлений. Кате Петровской, капитану милиции, сотруднице пресс-центра УВД, выпал редкий шанс стать непосредственным участником проводимого расследования. Версий было много. Но все они быстро рассыпались в прах. Осталась лишь одна, самая невероятная, зато подтверждаемая результатами экспертизы ДНК: жуткие убийства на московских бульварах совершала Лариса Белоусова, убитая пять лет назад... Жаждающая крови и мести покойница, вызванная из могилы с помощью ритуала, проведенного на кладбище... Но это уже за гранью реальности! И тогда была выдвинута еще одна версия, единственно возможная...

ISBN 978-5-699-44244-7

© Степанова Т. Ю., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	29
ГЛАВА 7	32
ГЛАВА 8	35
ГЛАВА 9	38
ГЛАВА 10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Татьяна Степанова

ДНК неземной любви

*Вот ужасный, вызывающий дрожь случай про красную пиявку, а вот страшная смерть и трагедия в *****, и тогда же был выслежен Убийца на Бульварах.*

Артур Конан Дойл «Пенсне в золотой оправе»

ГЛАВА 1

СОЗВЕЗДИЕ СКОРПИОНА

Июль. Московская область

Из тех, кто явился этой ночью на кладбище, никто не обратил внимания на звезды над головой. Небо ясное и безоблачное, звезды яркие – стылые, равнодушные, ослепительные в своем космическом высокомерии. Такая яркость наблюдается только зимой, в сильные морозы, но на дворе стоял жаркий июль. Пожалуй, самый жаркий в Подмоскovie за последние двадцать лет.

А луна...

Ее как будто не было вовсе, луна словно потерялась, заблудилась во мраке. А может, затаилась где-то там, в черной пучине, камнем канула на дно вселенной, чтобы никогда уже больше не всплыть, не водрузить свой мерцающий щит на ночные ворота, что были когда-то заперты крепко-накрепко на тысячи замков и запоров – не здесь, не нами, не в этом жарком июле, растекшемся по земле, как расплавленный свинец.

А луна...

Нет, ее просто затмили желтые фары остановившихся у ограды кладбища машин. Джипы и «Лендроверы», «БМВ», пара черных «Мерседесов» и погребальный катафалк с бронированными стеклами.

Звезды... там, высоко...

Опрокинутый ковш Большой Медведицы...

Скорпион, поднявший ядовитое жало...

Все, кто явился этой ночью на кладбище на Великую мессу, приехали в масках. Странное и нелепое зрелище – вот они выстроились у кладбищенской стены. Багровые огоньки сигарет, аромат дорогого парфюма, запах алкоголя и пота. И маски на лицах – у кого-то роскошная, с венецианского карнавала, а у кого-то просто шерстяная «бандитка» с прорезями для глаз, натянутая до самого подбородка.

И только один был без маски. Дверь бронированного катафалка открылась, и они увидели его. Он вышел.

– Ну?

Голос тихий. И в ответ ни звука, а ведь этой ночью сюда, на кладбище, явилось немало людей, причем некоторые из них уже накачались под завязку, потому что сбор происходил в ночном клубе в Москве в Чертольском переулке. А уж если завалились ночью в клуб, то как уж тут не дернуть, и тем не менее...

Было очень тихо у кладбищенской стены, когда он произнес это свое «Ну» – то ли приветствие, то ли вопрос, то ли приказ, понукание оробевшему стаду.

– Калитка закрыта...

– Не через главные же ворота идти... Могут увидеть, пойдут разговоры...

– И так уж, наверное, черт-те что болтают...

Он прошел сквозь них к стене, к железной калитке. Взялся за ручку и потянул на себя. Калитка открылась.

– Берите все там, в машине.

Несколько человек направились к катафалку. Фары погасили, включили карманные фонари. Желтые круги заплясали по бортам машин, по кирпичной стене, по темным окнам катафалка. Послышалась какая-то возня, потом сопение, хрюканье...

– Осторожно! Ноги-то у нее связаны?

– Ну и вонь!

Раздался душераздирающий визг.

– Тихо вы!

– Ничего, сторож предупрежден, ему заплачено, грузите быстрее на тележку, туда на машинах не проедем... Тяжеленная тварь...

Свинья, ноги которой были крепко связаны, дергалась, пытаясь вырваться, когда ее вытащили из катафалка и погрузили на тележку, предназначенную для перевозки гробов. Свинья сопела и хрюкала.

Он подошел к ней и пощекотал за ушами. Он был высокий и стройный, одетый в черное, один из всех он не надел в эту ночь маску.

– Пора.

Странная процессия двинулась за тележкой. Через калитку они все вошли на территорию кладбища.

А свинья...

Она, кажется, смирилась со своей судьбой. После того как человек без маски пощекотал ее за ушами, почесал ее горло, которое вот-вот должен был рассечь нож, она, жертва этой ночи, смирилась, затихла.

– Скорпион...

Человек без маски, следовавший первым в этой странной процессии за свиньей, обернулся. Кто-то позвал его из темноты.

– Ну?

Кто-то позвал – кто-то из этих, плетущихся следом, явившихся на кладбище на джипах и «Мерседесах» после сбора в ночном клубе в Чертольском переулке.

– Ну?

Нет ответа, нет вопроса, только шаги, гравий шуршит...

В темноте среди деревьев, среди оград не видно ни зги. Свет фонарей выручал мало, но они знали, куда идти.

– Теперь направо, в самый конец... Туда тележка не пройдет, придется так тащить, на руках... Вот черт... Там все готово? Кто-нибудь, да пойдите же вперед, гляньте – яма готова? Яма должна быть уже вырыта, так ведь со сторожем договаривались...

– Сюда, за памятник... Давай, давай, давай... еще, еще, еще...

Все словно обернулось веселой игрой. И все перевели дух, у всех отлегло от сердца. И правда, разве это не забавное приключение – ночь, кладбище после клуба под названием «Яма», где все собрались и узнали, что на этот раз Великая темная месса будет проведена вот здесь... Прежде, когда собирались в заброшенных туннелях столичного метро, тоже было стремно, но диггеры стали досаждают, а потом и милиция. А собрались как-то в одном доме на Рублевке, так потом просто плевались – никакого драйва особого, все нажрались, накололись, нанюхались...

А здесь, на кладбище, где уже подготовлена жертвенная яма...

Когда она наполнится свиной кровью, то...

Вообще, кто знает, может, это действительно все не просто так...

Одно дело нервы пощекотать себе и другим, развлечься, и...

Свинья, словно почуяв что-то, испустила пронзительный визг. И это было так неожиданно, так страшно, что те, кто волокли ее через надгробия в глубь кладбища к подготовленной яме, уронили тушу на землю.

Человек без маски пнул свинью ногой в бок. Достал нож.

– Ближе давайте, на самый край! Ну!

Он приказывал, а они повиновались ему. Отчего так было здесь, на кладбище? Они и сами не могли сказать.

Вообще, кто знает, а может, все это действительно не просто так...

Великая темная месса в летнее полнолуние, когда – вот странность – полной луны нет на небе. Только звезды, одни лишь звезды.

Перевернутый ковш Большой Медведицы, нет, как написано в древней Книге мертвых – созвездие Скорпиона.

Когда яма наполнится кровью, можно загадывать любые желания, и ТОТ, кто явится в ночи этой крови отведавать, исполнит их все до единого.

Сказки? Вы скажете, все это сказки, бред? Конечно, но...

А вдруг?

Когда вонючая свинья с черной отметиной на боку (сколько же искали именно такую, точно такую, сколько фермерских хозяйств, сколько свиноводческих комплексов объездили!) истечет кровью на краю ямы, можно загадывать любые желания.

Доходный бизнес...

Рост активов...

Увеличение продаж...

В федеральном резерве места освободились...

Может, папаша скоро коньки откинёт, а там такое наследство...

Удвоение капитала... утроение... меньше чем за год...

Жена, с которой прожили десять лет, сейчас на Сейшелах... Несчастный случай, авиакатастрофа, и все. И не надо делить совместно нажитое имущество... А той, другой, ей всего девятнадцать...

Когда яма наполнится кровью, явится *тот*, кто крови напьется и исполнит, исполнит, подарит новую жизнь... надежду... тот самый драйв...

Бред? Можете не верить, все равно, но попробовать-то, принять участие в такой вот «кладбищенской акции» можно?

– Я сказал, ближе, на самый край! – Человек без маски, которого звали Скорпион, наступил на свиную тушу ногой, прижимая жертву к земле.

Наклонился и вонзил нож.

В темноте не было видно ни зги. Только контуры, только густые тени. Деревья, деревья, корявые стволы, ржавые ограды, кресты, кресты.

Яма зияла, как провал. Свинья с перерезанным горлом хрипела, дергала связанными ногами, словно пыталась убежать от своих мучителей. Кровь хлынула ручьем, впитываясь в глину.

Человек без маски встал на колени возле свиной туши. Они не видели его лица, лишь спину. Он крепко сцепил руки, поднял их над головой, будто призывая что-то из темноты.

Сколько времени прошло? Пять, десять минут? Странно, но никто из приехавших сюда не решился нарушить эту странную мертвую тишину. Что-то сказать, что-то спросить.

Когда же яма наполнится кровью... Сколько свиней надо зарезать... Сколько жертв нужно принести, чтобы *тот, кто придет*, был вынужден подчиниться... исполнить ваши желания.

Глина осыпалась...

Нет, не в яме, над которой они все сгрудились в молчаливом ожидании. Где-то позади них. Глина осыпалась – не просто горсть земли, съехал целый пласт. А потом тишину, ставшую уже невыносимой для слуха, разорвал треск и грохот – словно где-то что-то упало и гулко ударилось о грунт.

Разом вспыхнули карманные фонари. Желтые пятна метались по стволам деревьев, по крестам и надгробиям, шаря, шаря, судорожно ища. Что это был за звук, которые они слышали все?

– Смотрите! Вон там!

Человек без маски обернулся, они все обернулись. Свет фонарей уперся сначала в ствол старой липы в десяти шагах от вырытой ямы, но дерево было целым. А вот могила, что рядом...

Высокий крест из черного мрамора, укрепленный на мраморной плите, надломился у самого основания и рухнул набок. Плита, покрывавшая могилу, треснула пополам, грунт просел вниз и продолжал оседать, образуя в кладбищенской земле провал, который все увеличивался, увеличивался...

О треснувшую плиту разбился брошенный карманный фонарь – у кого-то сдали нервы.

Больше половины из тех, кто приехал этой июльской ночью на Великую темную мессу, сразу ринулись прочь – назад к калитке, к машинам, почти бегом, толкаясь и не оглядываясь.

Издохшая свинья, обрушив край ямы, сползла вниз, хороня под собой лужу свежей жертвенной крови, скопившейся на дне.

ГЛАВА 2

СТРАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В КАТАКОМБАХ

Семь дней спустя. Рим

– Да наплевать им тут всем на нас, что вы, не видите, что ли? А вы знаете, что мне координатор Миланского дома по телефону ответил? «Это ваши проблемы. Но учтите, что все убытки за простой – за ваш счет!» Поняли, нет? Наплевать им на нас – подумаешь, русские из Москвы... Что они вообще знают о нас, о нашей работе? Ничего. И даже не интересуются. Москва – это там, где все в шапках-ушанках и валенках, где сугробы до второго этажа круглый год? Какая там, к черту, мода, какие журналы? Это ж варвары, в натуре! Ну, может, и не в прямом смысле варвары, но... Так, что-то ниже среднего в профессиональном смысле, никакого интереса. Мы вот с вами, например, интересуемся болгарской модой или венгерской? Да плевать нам, как они там одеты! Живут где-то на отшибе, так и этим миланским придуркам на нас плевать. Ты вот, Кристина, ну что толку, что ты таскаешься на все эти Недели моды в Париж, в Милан... Я ж видел, какое там отношение к тебе и вообще... Сунулась было с интервью к Донателле Версаче... Что ты там ей лепетала? А она взглянула на тебя, как на пустое место, и отвернулась... Мы-то все пыжимся, из кожи лезем – великая, могучая... русская широта, размах, баблом сорим, пресмыкаемся перед ними. А вот когда у нас трудности и когда надо реально помочь, где они, все эти наши европейские друзья? «Все убытки за простой – за ваш счет!» – вот что они отвечают! Мать их!

У фотографа Хиляя был очередной приступ истерики. Кристина Величко – директор отдела моды глянцевого журнала и автор популярного блога street-fashion – пошарила в сумке: есть ли успокоительное, чтобы его заткнуть хоть на десять минут? Двух таблеток обычно достаточно. Хиляй – стержень всей их творческой группы, прилетевшей в Рим на три дня для срочной фотосессии. Фотокамерой своей он творит чудеса, модели у него на снимках выходят просто превосходно, но, как все тонкие натуры, Хиляй нервный и впечатлительный, и, когда что-то в работе срывается, он становится совершенно неуправляемым.

Они сидели в баре римского отеля «Эксельсиор». С веранды обычно открывался великолепный вид на Виа Венетто – знаменитую римскую улицу, но, увы, не этим утром.

Кристина так и не нашла успокоительных пилюль в сумке для фотографа Хиляя, вздохнула свою атласную челку и заказала у бармена еще мартини. Да уж, так не повезти с фотосессией в Риме, от успеха которой в буквальном смысле зависит выход очередного номера журнала, могло лишь каким-то недоучкам, форменным лузерам, но им... но ей, проработавшей в модном бизнесе столько лет!

Проживание их творческой группы в пятизвездочном отеле «Эксельсиор» на Виа Венетто, как и все прочие расходы, оплачивал журнал. Трансфер, транспорт, питание, услуги переводчика, гонорар известнейшей итальянской топ-модели Джеммы – все это влетало в огромную сумму, прибавьте сюда расходы на охрану ювелирных украшений Миланского дома, специально арендованных для съемки. Фотосессию модели в одежде и украшениях планировалось проводить на фоне Колизея и живописных видов Яникульского холма, где находилась смотровая площадка. Но все эти планы полетели к черту, и это стало ясно, едва лишь они все, вся творческая группа, вышли из здания римского аэропорта.

– Что это? – спросила потрясенная Кристина у встречавшего их переводчика.

– Пыльная буря, синьора, чертова пыльная буря. – Переводчик достал из кармана пачку защитных марлевых масок. – Предупреждали по радио и телевидению, пыльная буря с берегов Африки, где вот уже несколько дней бушует ураган в пустыне, через море добралась и до нас и со вчерашнего вечера накрыла город. Трудно дышать, везде песок. Город чуть ли не на

чрезвычайном положении, видимость на дороге практически нулевая. И это не кончится до тех пор, пока ветер с моря не переменится.

Рим... Они так и не увидели города ни по дороге из аэропорта в отель, ни позже. Душное сухое облако, полное мельчайшей пылевой взвеси – мутные городские огни, так было ночью. А утром следующего дня стало еще хуже. Практически невозможно было покинуть отель, где воздух очищали мощные кондиционеры.

На закате дня Кристина стала свидетельницей фантастического зрелища: сквозь багровую пелену за окном отеля на миг стало видно солнце – какого-то совершенно небывалого гнойного цвета. А на фоне его тысячи черных точек. Это птицы собирались в огромные стаи, вспугнутые пыльной бурей.

Исчез, пропал Вечный город, словно и не существовал никогда... Кристина, куря сигарету, вспоминала роман Булгакова, там, правда, речь шла о другом городе, тоже накрытом ураганом, грозой... Но гроза – это лучше, чем песок. Как в условиях экологической катастрофы проводить фотосъемку? И что вообще можно в такой ситуации предпринять, чтобы спасти положение, не сорвать выход журнала и оптимизировать расходы?

Стали срочно звонить в Милан итальянскому координатору и в ювелирную фирму и получили ответ: это ваши проблемы, но все убытки – учтите, а это колоссальные убытки, – за ваш, русский счет.

Вот черт! Гадство, гадство!

Если фотосессия сорвется, ее уволят. Ну, конечно, именно на ней и отыграются в журнале. Фотографу Хиляю ничего не будет – он незаменим, он талант, к тому же он гей, а их стараются не трогать, а то тут же схлопочешь обвинение в гомофобии и волчий билет в мире моды. Модели Джемме тоже нечего бояться. Ну не снимется, так ей еще и неустойку заплатят. А ее, Кристину, шефа съемочной группы и директора отдела моды, вытурят взащей. Если она сию же минуту что-то не предпримет, чтобы фотосессия все же состоялась. Может, пыльная буря утихнет?

Кристина позвонила переводчику и спросила, какой прогноз. «Никаких изменений, пока не переменится ветер. А в это время года южные ветры дуют по несколько дней».

Значит, надо возвращаться в Москву и...

А что в Москве? Выволочка от руководства и увольнение? Крах всей с таким трудом выстроенной карьеры? Потеря хорошей зарплаты? А что делать с невыплаченным кредитом за машину? И вообще, кто с ней, если ее уволят с позором за профнепригодность и неумение организовать работу, будет разговаривать в Москве? Ее перестанут приглашать туда, где она привыкла бывать, выведут из «своего круга» и...

Нет, только не это! Надо срочно что-то придумать. Где можно провести нормальную съемку? Куда не проникает эта чертова пыль?

В бар плавной походкой вошла топ-модель Джемма. В джинсах, в белой майке, в золотых «вьетнамках» от Прада. Заказала ром-колу. Она говорила по-английски, так как большую часть жизни провела в Лондоне.

– А что, если сделать съемку в метро? – предложила Кристина. Ее мозг лихорадочно работал, искал выход. Но на лице это не отражалось – безмятежная улыбка, легкий загар, шоколадная атласная челка.

– Старо, было. Александр Маккуин за собой застолбил сто лет назад уже, целый показ делал в метро на станции, – фотограф Хиляй соорудил презрительную гримасу. – Вот все в блогах спорят, с чегой-то он вдруг повесился накануне Недели моды. А я его сейчас ох как понимаю. Попадешь в такую вот жопу, ничего не останется, как в петлю, – Хиляй покосился на Кристину. – Можно было бы в Ватикане снять... Но в музеях надо загодя разрешение на ночную съемку запрашивать... А там ведь пыли нет, кондишены на полную мощность небось включены во всех залах.

– В катакомбах пыли нет, – тоненьким голоском по-английски изрекла модель Джемма, прихлебывая ром-колу. – Там глубоко под землей, туда песок не проникнет.

– В катакомбах? – переспросила Кристина и тут же схватилась за телефон: – Эй, кто там в номере? Оксанка, ты, что ли? Там, на столике, путеводители по Риму, тащи сюда в бар! Быстро, я сказала, тащи все, мы ждем!

За окном отчаянно сигналила автомобильными гудками и чертыхалась роскошная Виа Венетто – таких адских пробок Вечный город не видел никогда.

Казалось, что все кругом погрузилось на илистое дно взбаламученного пруда, только вот воды не было ни капли – лишь песок, сухой и горячий, принесенный ураганом из далекой Сахары.

Абсолютно нечем дышать.

Марлевые маски не спасают.

– Вы только гляньте на улицу – все макаронники в намордниках чешут! – Фотограф Хиляй уже издевался.

...Как только разрешение на съемку в римских катакомбах было получено, настроение Хиляя разом улучшилось. Он копался в машине, проверял аппаратуру, стилист и гримерша волокли чемоданы с реквизитом. Бронированный автомобиль с украшениями ювелирной фирмы, которые должны были фигурировать на фотосессии, помчался по дороге, ведущей к подземному музею.

Короче говоря, все завертелось, и Кристина Величко могла бы вроде и дух перевести, но нечем, нечем было дышать этим вечером (а за хлопотами, переговорами, звонками по телефону уже наступил вечер) в Риме.

И солнце, когда они мчались по автобану в пыльном мареве, снова выглядело не земным, а каким-то марсианским светилом. И птицы опять собирались в огромные стаи и кружили на фоне багрового диска.

– Не по себе как-то, – поежилась модель Джемма, – а вам, синьора?

Кристина спросила ее – не из Рима ли та сама родом, оказалось, нет, из Неаполя, но она уехала оттуда в детстве с родителями.

– Я вообще-то плохо представляю, что это такое – эти ваши катакомбы, – призналась Кристина.

Но представлять было некогда, их ждала работа. Переводчик, который их сопровождал, едва лишь они остановились – где, в каком месте (по-прежнему ничего не было видно толком), – сразу куда-то побежал и вернулся уже с каким-то парнем в униформе, оказавшимся смотрителем музея.

– Он говорит, что катакомбы для посещения туристов через полчаса закрываются, но для вас, так как есть разрешение на съемку, сделано исключение. Выберите место, отснимите, потом он вас выпустит наверх.

Кристина подняла глаза – кирпичная кладка, двери с крепкой железной решеткой. Рядом еще двери – ага, там у них касса по продаже билетов. А это что такое? Гробница... похоже на башню с зубцами... Даже в этой мгле видно, какое это древнее сооружение. И рядом пиния растет – желтый ствол, хвойная крона, пыль...

Кашляя, держась за марлевые маски, они всей съемочной группой ввалились внутрь.

Тишина и прохлада. Кристина сдернула «намордник», вытерла мокрое от пота лицо. И увидела двух дюжих парней в черных костюмах, державших в руках небольшие аккуратные кейсы. А вот и охранники Ювелирного дома со своими сокровищами.

– Чао... ой, сорри, бон джорно, синьоры! – Кристина была готова расцеловать этих мафиози.

Ну вот, все вроде о'кей! И работа стартовала, и фотограф Хиляй в отличном настроении, что-то там мурлычет себе под нос, и драгоценности доставлены и... и вообще...

Как же тут хорошо дышится!
Под землей!

Пока они готовили аппаратуру, костюмы и реквизит в холле музея, переводчик коротко объяснил им, что вот сейчас они спустятся в катакомбы Дометиллы, самые большие и самые интересные, расположенные непосредственно под городом, где в первые века христианства проходили богослужения, где хоронили первых христианских мучеников, растерзанных львами на арене Колизея.

Кристина и фотограф Хиляй вместе с переводчиком и сотрудником музея отправились по длинному туннелю вниз искать место для съемки.

Стены из светлого песчаника...

Ниши в стенах, как полки...

И вдруг стены туннеля расходятся, и открывается небольшой квадратный зал, вырубленный в породе, а от него в разные стороны вглубь ведут новые туннели.

Фотограф Хиляй прищурив осматривал свет – лампочки наверху и подсветка внизу.

– Темновато, конечно, мрачновато, зато свежо, ново. И каков контраст! Тут еще никто не снимал до нас. А электричество надежно? Что, если погаснет?

– Если погаснет, отсюда не выйти, дороги не найти без свечей, без фонаря, – лениво ответил через переводчика сотрудник музея, отправляя в рот ментоловую жвачку. – Не волнуйтесь, синьоры, такого еще никогда не было. И потом там, на входе, у нас резервный генератор.

– Ну что? – спросила Кристина фотографа. Несмотря на весь свой первоначальный кураж, она слегка растерялась в этих самых катакомбах.

Это же коллективная могила... вон, в туннеле, черепа на каменных полках, как футбольные мячи, сложены... А вон там берцовые кости... Там, подальше, груда ребер, и все кучей навалено.

– Вот здесь сделаю первые десять кадров, – фотограф Хиляй остановился в небольшом сводчатом зале, украшенном фреской. Амур и Психея... Прозрачные крылья за спиной, как у стрекоз, и выражение лиц такое безмятежное...

Кристина вопросительно глянула на переводчика.

– В первые века христианства такие фрески довольно часты, – пояснил тот. – Это уже не языческие божества, а христианские символы – примирения, полноты и радости пребывания в вечности. А вон тот коридор ведет к могиле Амплия, это самое известное здешнее захоронение. Раб, мученик, пострадавший за веру, упомянутый апостолом Павлом в его Послании к Римлянам. Возле могилы Амплия всегда много паломников собирается со всего света, он общехристианский святой, и, по преданию, молясь ему, человек обретает душевный покой, отпущение тяжких грехов и защиту.

– Защиту от чего? – рассеянно спросил фотограф Хиляй, уже примериваясь, откуда лучше снимать, как поставить модель.

– Ну, мало ли... От зла, от всякой опасности... от мести...

Место было выбрано, и съемочная группа засуетилась. Расставили свет, развесили костюмы, модель Джемма села гримироваться.

– Первые кадры: жакет, юбка, босоножки из кожи – все Dior, бельевого стиль, – командовала художник по костюмам. – Украшения – бриллиантовые серьги и браслет.

Кристина наблюдала, как модель Джемма, не стесняясь охранников, отпирывших кейсы с «ювелиркой», разоблачалась, а потом снова одевалась.

– Крутая юбочка, – хмыкнул фотограф Хиляй. – Бельевого стиль? Это так и задумано – без трусов, прозрачная юбка – так и будет носиться?

– Не болтай, делай свою работу. – Кристина достала пачку сигарет.

Юбчонка и правда того-с, смела, оригинальна, вся задница Джеммы наружу, правда, задница у нее что надо. Вон как охранники напряглись сразу. Да, бельевого стиль, и это модно, господа... Но для журнала все же снимать будем только задний план.

– Вторая серия кадров: корсет, пояс и чулки – все Agent Provocateur, – командовал стилист. – Прическа, украшения – бриллиантовое кольцо, серьги.

Кристина полюбовалась на кольцо, извлеченное охранниками из сафьяновой коробки. Сколько же это может стоить? С ума сойти... И все это здесь, под землей... А вдруг свет и правда погаснет? Схватить футляр и рвануть вон в тот боковой коридор... И потом всю жизнь можно не работать, продавая камень за камнем... Ох, что за мысли...

Модель поставили на фоне фрески, отрегулировали свет, и Хиляй вдохновенно защелкал затвором.

Теперь ему лучше не мешать. Кристина, оставив своих сотрудников, решила найти место, где можно тихонько выкурить сигаретку, чтобы этот музейщик хай не поднял.

Вот он, этот боковой коридор, а там могила какого-то раба-мученика... Ну, мир его праху. А интересно было бы посмотреть, как там, на арене Колизея, львы выпускали ему кишки. Кровищи, наверное, было... И эти древние римляне на это смотрели с трибун, как мы смотрим футбол. Надо же, как вкусы разнятся. А поэтому кому-то может понравиться и этот провокационный бельевого стиль – долой трусы, да здравствует юбка из прозрачной тафты от Dior!

В конце коридора в тусклом свете верхних фонарей Кристина увидела глубокую нишу со стоявшим в ней то ли надгробием, то ли просто обломком античной колонны. Возле ниши распростерлась ниц фигура. Что-то бесформенное, темное...

Что, может, кому-то тут, в катакомбах, плохо стало? Кристина подошла поближе и увидела монахиню в черном. Но не католичку, нет, это была православная монахиня – что-что, а в костюмах Кристина разбиралась досконально.

Монахиня лежала на полу скорчившись, прижавшись лицом к каменному полу. А потом вдруг резко, быстро поднялась на колени и оглянулась.

– Ой, сорри, сорри, простите меня, – Кристина попятилась.

Ну вот, покурить тут не удастся, человек молится... Какое лицо у этой женщины – словно гипсовая маска... Может, это контраст такой на фоне черного ее балахона? Прямо воплощение застывшего ужаса...

Заговорить с монахиней Кристина не решилась, повернула назад и двинулась к залу Амура и Психеи.

Она прошла не больше пяти метров, как вдруг услышала за стеной с нишами чьи-то быстрые шаги. Там, наверное, еще один коридор. Как она его пропустила? Может, это кто-то из команды ищет ее?

– Эй, я здесь! Оксан, это ты?

Шаги замерли.

– Эй, Хиляй, это ты, что ли? Напугать меня хочешь? Что, уже перекур?

Нет ответа, лишь чье-то дыхание...

Кристина оглянулась – она была в самом центре узкого коридора.

– Эй, синьор...

Она ощутила, как по спине ее пополз холодок. А ведь они тут, в этих катакомбах, глубоко под землей. Горстка людей... И случись что...

Шаги послышались снова. Дальше, дальше... Кто-то уходит... Ну и хорошо, пусть... Кто-то, не ответивший на ее оклик. Чужой, пусть он уходит прочь, потому что она, Кристина, нет, не трусит, но все-таки здесь, в этих чертовых туннелях, полных древних костей, в этой огромной могиле, где кругом мертвецы...

И в это мгновение погас свет. *И все стало тьмой.*

А потом раздался вопль – безумный и страшный, словно у кого-то заживо вырвали сердце.

Кристина влипла в стену. Никогда... никогда прежде она не испытывала такого ужаса. Не видя ничего, не понимая, забыв, кто она такая и где находится, она бросилась прочь, вытянув вперед руки. Споткнулась обо что-то, упала, вскочила на ноги и помчалась снова. Туннель... этот жуткий туннель... она в катакомбах под землей, и без света отсюда не выбраться. А там, за спиной, кого-то убивают, приканчивают, а потом убьют и ее.

Почти инстинктивно она поняла, что туннель кончился и она очутилась в каком-то более просторном помещении.

Свет вспыхнул, и она увидела зал Амура и Психеи и своих коллег – застывших, как и она, перепуганных насмерть. Они тоже слышали крики – там, в глубине катакомб.

– Вот черт, что это было? Ты откуда? Я подумал, это ты вопишь, Кристина, – фотограф Хиляй хорохорился, но губы его тряслись. – Этот хмырь музейный уверял, что со светом тут все в порядке, генератор запасной... А где наша охрана, то есть не наша, а брюликов?

– Кристина, это не вы кричали? – спросила по-английски модель Джемма.

Кристина не успела ответить. С той стороны, откуда она примчалась, теперь доносились громкие тревожные голоса. Потом в туннеле появились сразу несколько мужчин – смотритель музея, двое рабочих-электриков и охранники. Один по-прежнему не расставался с кейсами с драгоценностями, а вот второй помогал рабочим тащить женщину в черной монашеской одежде.

– Что случилось? Кто это? – спросил встревоженный переводчик.

В ответ все загалдели наперебой.

– Что они говорят? Кто эта женщина? – Кристина чувствовала, что страх не покидает ее. Несмотря на то, что под потолком опять горели тусклые лампы, в этих чертовых катакомбах... нет, какая же она была дура, что согласилась спуститься сюда, в эту древнюю могилу!

– Они говорят, что на нее кто-то напал – там, у гробницы святого Амплия. Это монахиня... русская монахиня Галина, смотритель музея хорошо знает ее, она паломница, вот уже несколько дней подряд она приходит сюда с подворья русской православной церкви, что на Виа Альбарди. Молится подолгу... Только что кто-то напал на нее... Святой Януарий, вы посмотрите на ее лицо...

– Кто напал?! – Кристина еле сдерживалась. – Они видели кого-нибудь?

– Охранник говорит, что видел перед тем, как погас свет... Он не знает, кто это был, на что это похоже. Он говорит, что туристов после закрытия тут никого не осталось, он специально проверял, делал обход... Может, кто-то спрятался... Русскую монахиню пытались задушить, охранник видел, как кто-то держал ее за горло, а когда он закричал – тот метнулся в дальний туннель. У смотрителя только карманный фонарь, он не видел кто... что это было, побоялся преследовать, а потом свет зажегся, и прибежали электрики и наши секьюрити...

Монахиню Галину осторожно положили на пол. Охранник нагнулся к ней, расстегнул ворот ее черного, испачканного пылью балахона. Женщина захрипела, затем застонала.

Кристина не могла оторвать взгляда от ее лица – синюшного от удушья, на щеках и на лбу виднелись глубокие царапины. Охранник быстро оголил ее шею – на коже четко проступали багровые пятна. Огромный синяк под подбородком.

– Он говорит – мертвая хватка, – переводчик обернулся. – Он просит воды, у кого-нибудь есть вода?

Фотограф Хиляй передал бутылку с минеральной водой. Охранник смочил монахине губы, побрызгал на лицо. Женщина открыла глаза. И неожиданно рванулась, пытаясь подняться.

– Спокойно, спокойно, синьора, все хорошо. Она русская, скажите же ей, что все в порядке, по-русски.

– Вы в безопасности, не бойтесь, – сказала Кристина. – Кто на вас напал? Вы видели, кто это был?

Услышав русскую речь, монахиня снова дернулась. Лицо ее исказила судорога.

Кристина почувствовала, что еще минута, и она не выдержит здесь, под землей, в катакомбах. Эта несчастная... И они – жалкая горстка людей, сгрудившихся под фреской... А если снова, не дай бог, погаснет свет...

Те шаги в туннеле... она слышала их, одна из всех она слышала их... Тот, кто вцепился в горло монахини мертвой хваткой, прошел совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, от нее, от Кристины... Там, в этом склепе, полно черепов и берцовых костей.

ГЛАВА 3

ДОМАШНИЕ РАДОСТИ

Бурый плюшевый мишка умильно таращился, сидя на крышке старенького пианино. На шкафу дежурил целый выводок кукол – тех самых, еще с «раньшего времени», облаченных в костюмы народов СССР – кукла-украинка, кукла-узбечка, пупс-молдаванин в крохотной бараньей папахе.

Комната светлая, с высоченным потолком и эркером, занятым диваном, покрытым ковром. В оные времена места было бы вдоволь, но не сейчас, потому что в середине комнаты воцарился огромный круглый стол. А на столе чего только нет, ой, мамочка моя родная, – сколько же всего приготовлено и выставлено в качестве угощения: и студень домашний, и заливное из судака, и треска под маринадом, и селедочка под шубой, и салат оливье, и винегрет, огурцы соленные, помидоры, зелень и, конечно же, пироги.

О, пироги на этом домашнем, хлебосольном столе: румяные, пышные, с хрустящей корочкой, с потрясающими начинками – мясом, капустой, яблоками, морковью, грибами – были такие... *такие пироги...* что Катя Петровская, капитан милиции, криминальный обозреватель пресс-центра областного ГУВД, моментально забыла обо всех своих диетах, о всех клятвах самой себе – не переедать лишнего – и решила попробовать все. ВСЕ отведать на этом восхитительном и вкусном столе, похожем на скатерть-самобранку. Ибо в доме – праздник. А она... она безумно соскучилась по праздникам и по вот таким веселым, домашним, шумным застольям, где только друзья и хорошие знакомые.

– А теперь тост! – долговязый блондин в очках поднялся со своего стула. – У меня тост, прошу всех дорогих гостей выпить за...

Блондина звали Митя, фамилия его, кажется, Федченко. Но это Катя узнала уже здесь, в квартире в сталинском доме на площади Гагарина, куда – честное слово – попала совершенно неожиданно для себя.

Вроде и не собиралась в гости!

Этот день – четверг – был спортивным днем в Главке. Вообще со второй декады июля после целой серии громких дел, молва о которых до сих пор еще не улеглась и будоражила умы, в работе наступило небольшое затишье. Начался отпускной сезон. Катя и сама подумывала о том, чтобы через пару недель отправиться в отпуск. Муж, Вадим Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне Драгоценным В.А., все еще находился за границей со своим работодателем, лечившимся в разных клиниках Европы. Катя уже как-то даже устала скучать. Ладно, перемелется... К тому же с начала лета на работе происходили такие события, что и подумать о чем-то личном некогда было. И вдруг бац! – и полный штиль. Пауза наступила...

ПАУЗА... пауза...

А тут еще и жара. Днем до тридцати, ночью душно, как в бане. Сотрудники Главка дружно писали рапорты на отпуск, в розыске все подернулось пылью и ленью, из происшествий сплошная рутина, ни одного стоящего убийства, чтобы делать репортаж для криминальной полосы.

И вот в четверг, когда столбик термометра уже к десяти часам утра дополз до 31 градуса, кому-то из министерского начальства пришла гениальная идея устроить на подмосковной тренировочной базе соревнования по профессиональному многоборью. А это кросс десять километров, эстафета-преследование, стрельба по мишеням и потом соревнования по самбо и боксу.

Министерские, естественно, лишь кликнули клич, состязаться в многоборье с Житной явились только отдельные представители, отдуваться, как всегда, пришлось областному Главку и Петровке, 38.

Катю, как криминального обозревателя пресс-центра, отрядили вместе с телевизионщиками освещать это эпохальное событие.

Кросс в десять километров по жаре, эстафета-преследование по пересеченной местности...

– А как вы думаете, они ж кадровые офицеры, как они будут в таких условиях особо опасного преступника брать? – В качестве комментария один из министерских (сам не бежавший кросс, а наблюдавший за соревнованиями как зритель из спасительной тени) выдал это Кате командирским тоном. – Ничего, ничего, подраспустились. Пора и жир согнать лишний с личного состава, тяжело в учении, легко в бою.

Уже на эстафете Катя обратила внимание на некоего капитана Белоручку, о нем то и дело объявляли по громкоговорителю: идет вторым, вот вырвался вперед. Но в суматохе нельзя было толком ничего понять, следовало ожидать финиша, а он где-то там, далеко – за леском, куда Катя, облюбовавшая себе место в тени рядом с судейскими, так и не добралась. Потом начались соревнования по стрельбе. И снова фамилия героического капитана Белоручки звучала во первых строках.

И это было чертовски досадно! Потому что, как узнала Катя, капитан Белоручка (ну и фамилия!) был с Петровки, а значит, являлся вредным конкурентом всех тех героев областного Главка – из ГИБДД, патрульно-постовой, из розыска и вневедомственной охраны, – которых Кате и предстояло славить на страницах ведомственной печати.

Однако и в стрельбе из табельного оружия вездесущий капитан с Петровки показал один из лучших результатов, и по сумме набранных очков в многоборье вышел в лидеры.

Катя своим репортерским чутьем поняла, что родной Главк с треском продвигает соревнования. Черт, ехали в такую даль, в Павловский Посад, на тренировочную базу и чтобы вот так бездарно проиграть Петровке... вечным соперникам...

Она спросила, на каком же таком поприще трудится славный капитан Белоручка?

И получила ответ – занимает должность инспектора по особо важным делам в МУРе, в отделе убийств.

Ага, ну, конечно... там ребята крутые сидят... Катя совсем расстроилась. А наши-то что же, родные, из Московской области? Где наши-то орлы? Вот сейчас соревнования начнутся по самбо и по боксу, неужели и тут уступят?!

Среди участников соревнований по самбо капитан Белоручка не числился. И область в этом виде спорта в грязь лицом не ударила.

Боксеры сначала тоже показали себя хорошо. Катя от души болела за своих, исписала целый блокнот, нацелкала снимков, охрипла от радостных воплей.

А потом в боксе объявили показательное выступление. От области на ринг выходил мастер спорта майор Жужалев из вневедомственной охраны – богатырь, а от Петровки – капитан уголовного розыска Белоручка.

Катя ожидала увидеть такого Голиафа. Поэтому сначала даже не обратила внимание на имя капитана, а когда осознала...

– На ринг приглашается капитан милиции Лилия Белоручка!

Лилия? Какая лилия?!

Вышел не Голиаф, явился Давид. Точнее, такая крепко сбита плечистая кубышечка – амазонка с короткой стрижкой «под мальчика», в синей майке, в черных спортивных шортах «Адидас» и в боксерских перчатках!

Катя уронила свой репортерский блокнот.

На мгновение потеряла дар речи. Оказывается, это девица выиграла у ее областных коллег кросс в тридцатиградусную жару и эстафету-преследование, это девица показала лучший результат в стрельбе и теперь вышла один на один против могучего майора Жужалева на ринг?

– Лиля, давай! – не помня себя от восторга, завопила Катя, пугая разомлевшего от жары представителя министерства. – Лиля, давай, жми! Покажи им всем! Покажи этим мужикам! Лиля, я за тебя!

Капитан Белоручка обернулась в сторону судейской трибуны, увидела Катю, размахивавшую сорванной с головы бейсболкой, и подняла руку в перчатке. Сделаю, что смогу, ты только болей за меня, подруга!

Странно, как порой люди становятся друзьями – достаточно одного взгляда, одного слова.

Гонг!

Впервые Катя болела не за своих, не за область, а за Петровку, 38.

Майор Жужалев по сравнению со своим противником выглядел настоящим великаном. Капитану Белоручке на голову надели шлем, сунули в рот загубник, затянули шнурки перчаток и...

Она подлетела, закружила вокруг майора, как злая оса. Град ударов – бац, бац, бац! Уклонилась, присела, снова уклонилась и... получила удар.

Кате стало плохо. Разозленный первой неудачей майор Жужалев пошел в наступление, тесня маленькую фигурку в угол, махая кулачищами...

– Они же в разной весовой категории, что это за бой? – затормошила Катя представителя министерства.

– А в профессиональных условиях весовые категории часто бывают разные. Вы что, коллега, первый год служите, что ли? Когда на задержание выезжают, о равных условиях не вспоминают. На войне как на войне. Да вы за Лилию Ивановну не переживайте, она опытный боец, не в таких переделках бывала. Полгода на Кавказе служила в Ингушетии, в сводном отряде.

Бац! Среди града хаотичных ударов майор схлопотал неожиданный и болезненный прямой хук в челюсть. Замотал головой, пошел ва-банк и напоролся на целую серию ударов в корпус. Капитан Белоручка молотила его, как тренировочную «грушу» – удар, удар, удар...

Еще один удар в челюсть заставил майора Жужалева застыть посреди ринга, он не рухнул, но качался, как дуб, и... И его тренер бросил на ринг полотенце. Бой закончился. Не нокаутом, но поражением.

Капитана Белоручку сразу же окружили коллеги. Победа!

После вручения призов Катя подошла к ней. С букетом цветов, в спортивном «Адидасе», мокрая от пота и ужасно счастливая, она выглядела совсем пацанкой, стриженной пацанкой... Только вот эти взрослые складки у губ и лучистые морщинки, едва заметные, правда...

– Поздравляю вас, Лиля! – Катя была искренней в своей радости. – Задали вы им всем жару, и нашим тоже... Я Екатерина Петровская, работаю в пресс-центре, можно сделать с вами интервью?

– Да ты кричала звонче всех там, я только тебя и слышала, – Белоручка (она доходила высокой Кате до плеча) хлопнула ее по-свойски. – Ну, привет, будем знакомы. Сейчас девчонки подойдут, наши из секретариата и из информационного центра, они со мной в эстафете бежали, если уж писать, то обо всех, не только обо мне.

Откуда-то налетело столько девиц! В спортивных костюмах, счастливые, хохочущие.

– Лилька, ну ты молодец, мы так за тебя переживали!

– Лилька, Митя звонил пять раз, у него там дома все готово, ждет с пирогами!

– Ждет с пирогами? Ага... дай-ка мобилу, – капитан Белоручка приклеилась к мобильнику. – Привет, солнце мое! Ну, конечно, как всегда, все в ажуре. Я кто у тебя? То-то... Первое место по количеству очков! Митька... ой, брось, только снова не начинай... Ну ты просто... ну ладно, я тоже тебя очень люблю! Все, едем, через час будем дома, встречай с шампанским!

Она взмахнула мобильником.

– Все ко мне обмывать победу... Девчонки, там «рафик» стоит, все садимся, а это... корреспондентка с Никитского переулка, областная, где? Катя! С нами поедешь! Немножко посидим, выпьем рюмашку... Там тебе твое интервью и готово будет на блюдечке!

Вот так неожиданно-негаданно Катя и попала к капитану МУРа Лилии Белоручке домой в гости. Она и не подозревала, прологом к *каким событиям* станет этот веселый вечер с застольем в квартире на площади Гагарина, выходящей окном-эркером прямо на памятник.

– А теперь тост! – долговязый блондин в очках поднялся из-за стола. – Девочки, у меня тост, выпьем все вместе...

«Какой он милый, домашний, интеллигентный, – подумала Катя. – Однако с капитаном Белоручкой у них такая забавная чудная пара...»

– А это вот Митька мой, Митька, иди сюда, познакомься – это корреспондентка из нашей газеты Катя, статью про меня напишет, как я там на нашей милицейской олимпиаде зажигала! – В тесной прихожей, куда после долгого пути наконец-то прибыла вся шумная и многолюдная ватага, Лиля Белоручка подтолкнула к Кате этого самого молодого человека в очках.

Он был в домашнем переднике, с перекинутым через плечо кухонным полотенцем. В квартире аппетитно пахло жарким и сдобой.

– Здравствуйте, проходите, очень приятно – Дмитрий Федченко, – блондин протянул Кате руку. – Девочки, кому надо умыться с дороги – ванная прямо по коридору, сейчас будем за стол садиться. Лилечка... поди сама на кухню, глянь... к заливному я купил два вида хрена. А насчет пирогов меня твоя соседка тетя Маша консультировала, так что все вроде нормально.

– Слыхала? – Лиля уже свойски подмигнула Кате. – Хозяйственный мой Митька, тоже в статье про него можешь написать – я без него никуда, я без него, как без рук тут, дома, а готовит он как! Сейчас сама узнаешь, как он готовит. Напиши в статье – особенно пироги ему удаются.

За круглым столом Дмитрий Федченко оказался единственным мужчиной и тамадой, остальные все были женщины, как поняла Катя – коллеги капитана Белоручки по спортивной команде с Петровки, 38 – из самых разных служб.

Пока пили за победу на соревнованиях, за бой на ринге, за тренера, Катя успела узнать от соседки слева, что «Лилия с Митей скоро должны пожениться, а так вместе они уже почти год», что «парень положительный, не пьет, не курит, йогой занимается, ради хорошей зарплаты теперь работает в фирме, делает все, абсолютно все по дому, потому что сама знаешь, какая у Лилии в уголовном розыске работа собачья».

– Девочки, у меня тост! – Дмитрий Федченко снова поднялся. – Выпьем же...

– За любовь! – закричали со всех сторон.

– Да, за любовь, за удачу, за такой вот тесный круг друзей, – Дмитрий снял очки. – И как сказал поэт: «Друзья, в сей день благословенный забвенью бросим суеты. Теки вино рекою пенной в честь Вакха, муз и красоты!»

Все начали чокаяться бокалами с шампанским, а Дмитрий Федченко взял капитана Белоручку за руку... за ту самую руку, которая всего пару часов назад в боксерской перчатке так неистово и азартно молотила по своему противнику на ринге, и галантно поцеловал.

Растроганная Катя положила себя еще салата оливье, он казался ей очень вкусным, как и все на этом столе.

«Интересно, каким майонезом Митя салат заправляет? Оливковым или провансаль? Ну и парочка... хотя почему нет? Он такой забавный и Пушкина вон наизусть читает... А наши-то областные продули соревнования... Сколько в этой комнате игрушек... Наверное, все ее, капитанские... еще с детства... медведь какой смешной на пианино... Интересно, а как этот Митя пироги зашпиживает сверху, что они такими аккуратными треугольничками выходят и начинка не высыпается?»

Мыслей у Кати роилось много, но шампанское, что так и текло рекой за столом, мало-помалу делало свое дело. И скоро от всех мыслей осталась одна – маленькая, но емкая: как же тут хорошо...

Плюшевого медведя пересадили на диван, открыли пианино, и «к роялю» сел Дмитрий Федченко. Он лихо сбавал цыганочку, а потом «Подмосковные вечера», и все девчонки с Петровки, 38 – из секретариата, информационного центра, из штаба, из розыска и УБЭП, все, кто бежал эстафету и стрелял в тире за столичный Главк, запели. А после, конечно, спели «Орел степной, казак лихой» и «А я люблю женатого» и затем еще «Миллион алых роз» и «Мы едем, едем, едем, в далекие края»...

Ночь, теплая июльская ночь опустилась на площадь Гагарина и на сияющий огнями Ленинский проспект.

– Кать, домой-то доедешь? – заботливо, однако слегка заплетающимся языком спросила капитан Белоручка, когда все уже сытые-пьяные, счастливые, охрипшие, усталые во втором часу двинули в прихожую.

– Я такси вызвала, – Катя жестикулировала мобильником, – Лиль, спасибо большое, ты просто молодец... Дала жару нашим... так им и надо, тоже мне мужики, опера, гренадеры... ты, Лиля, просто герой!

– Тихо, тихо, мы вас сейчас с Митькой проводим.

– Н-ни за что, там такси ждет. Спасибо за прекрасный вечер. Лиля, у меня твой телефон, я тебе позвоню, как статья будет готова. Митя, спасибо, приятно было познакомиться!

– Взаимно. Как сказал поэт: «Ребята, давайте жить дружно!»

В такси по дороге с площади Гагарина к родной Фрунзенской набережной Катя все вспоминала ринг. Гонг! Удар, еще удар... на ринге отчаянно дралась и боксировала ярая амазонка... Пирогі сыпались дождем с ночного неба, с пылу с жару... Плюшевый медведь шурился умильно, махая пухлой лапкой... Тост за любовь!

Все хорошо...

Все отлично...

И ничто не предвещало беды...

ГЛАВА 4

БУЛЬВАРЫ

Если взглянуть на карту центра Москвы, то они заметны сразу, эти узкие зеленые ленточки – столичные бульвары.

Излюбленные места в городе коренных москвичей! Нигде, как здесь, разве еще только на Тверской улице или на рынке в спальном районе можно наблюдать за нравами, какие сценки порой разыгрываются на тенистых аллеях бульваров, какие персонажи столичной хроники бредут нога за ногу по бульварам – на рассвете, днем, на закате.

А вот по ночам...

Но об этом позже...

Самый демократичный из московских бульваров, конечно же, Чистопрудный. Летом – в полуденный зной и по вечерам публика гужется возле пруда. Молодые мамы с детьми – увы, детей что-то все меньше, меньше на бульварах... Молодежь, ну эта всегда всем довольна, даже тем, что особо некуда податься, когда пусто в кармане. Сидят на лавочках с бутылками пива парочки в обнимку. Джинсы, рваные на коленках, белые застиранные майки, вьетнамки на босу ногу, пестрые рюкзаки в стиле этно – смех, смех, поцелуи в засос... Молодость на бульварах, в гостиницу бы податься, но там такие цены, сразу о любви забудешь. Так, на пиво есть пока, хватает, а там заработаем – хотя кто знает теперь, заработаем ли...

Вон алкаши под липой на скамейке в холодочке – тем вообще все до фени. Но нет, что-то жарко обсуждают. Ага, почему водка станет. Говорят, опять указ вышел или Дума постановила... мол, «дешевле восьмидесяти рублей – ни-ни». А брали раньше и по сорок, и по тридцать... Мишка Хромой, правда, с такой водки дураком стал... А Култыгина сразу в Боткинскую увезли, помер там, не приходя в сознание. Но это дело житейское, все там будем. А водка-то была по тридцать, а теперь дешевле восьмидесяти и не жди, не надейся...

У афиши театра «Современник», смотрящего фасадом на Чистые пруды, пенсионерки что-то старательно переписывают себе в блокнотики. Ага, поклонницы таланта. Театр состоялся, и они, зрители, вместе с ним, но все равно пишут, фиксируют – репертуар на сентябрь, вывесили уже. Хотя театр этим летом здесь и радует зрителей, иди вон в кассу, бери билет, и не надо в очереди всю ночь стоять. Но старушки только вздыхают, вспоминают молодость, как стояли еще там, на Маяковке, возле старого здания театра, а потом и тут тоже, на Чистых прудах. И как потом Ефремов ушел во МХАТ... А теперь вот афиша, и билетов полно, боже ж ты мой, как бежит время...

Как оно мчится на столичных бульварах...

И одновременно стоит на месте...

А по ночам... но об этом опять же чуть погодя...

У ресторана «Ностальжи» припаркован чей-то синий «Порше» с открытым верхом, трамвай номер 39 штурмует толпа, хлынувшая от метро, бронзовый памятник Грибоедову смотрит вперед, в сторону Рождественского и Трубной.

А дальше – Петровский бульвар, его что-то все роют, роют, копают, золото, что ли, там ищут, клады – зимой начали, летом все никак не кончат, и гулять там никто не гуляет по аллеям, потому что мало радости гулять среди канализационных труб и ям.

На Страстном все спешат к Пушкинской, к Тверской, никто и по сторонам-то не смотрит.

И только воробьи на горячем асфальте...

Порх! И взметнулись веселой стайкой...

Сели на гигантский рекламный щит дома, что на углу Пушкинской. Все воробьям видно сверху, людишки, как блохи, снуют, машины, машины, машины...

Говорят, и тут будут «подземку» копать, как и на Манежной...

Ну, тогда и смерть нам всем, воробьям, центр наглухо встанет.

А мы улетим, мы улетим, откочуем – есть ведь другие города и страны – Париж, Рим, например... Слышали, что в Риме-то произошло? Не слышали? А мы все равно туда улетим.

Это людишкам там внизу колупаться придется, пусть и колупаются. А мы свободные птицы, воробьи...

В ресторане «Пушкин» обедают. Сколько черных машин около ресторана. И напротив, в «Макдоналдсе», тоже обедают. Полна коробочка там и вечный жареный картофель и соус сырный...

По Тверскому бульвару вниз, к Старому Арбату, что никогда не спит. И бронзовый Пушкин, как и бронзовый Грибоедов, взглядом провожает...

На Тверском бульваре и на Старом Арбате по вечерам что-то много пьянчуг. На Арбате летние кафе, пивные – это понятно. Но что же это спать-то многие с Арбата идут сюда, на Тверской, на скамейки?

Милиция, конечно, столичная бдит... Но их вон, милицию-то, по телику в блин сейчас размазывают, мол, такие-сякие, взяточники, мздоимцы. Хотя какая с нищего алкаша мзда? Но, может, он лишь притворяется нищим, у него это бизнес такой уличный – кланчить, а у самого особняк в Жуковке?

Ох, кто поймет столичную жизнь? Люди не понимают, куда уж воробьям разобраться. Сели себе на ветку и чирикают... на голову проходим гадят, озорничают, безобразники.

А по ночам...

Нет, это не на Тверском, это дальше...

Снова вниз, вниз, все дальше по аллеям, мимо Арбата, мимо Большой Никитской – на Гоголевский бульвар.

Место тихое, место славное. Пьянчуг почти нет, что им тут делать, вдоль бульвара цепь уютнейших магазинчиков, бутиков модной одежды. Вон там был магазин цветочный «Царство Флоры» – его закрыли, потому что с ним связана одна темная кровавая история¹... Но тогда всех поймали, посадили, в общем, не так уж и давно дело было...

На Арбате вот совсем недавно история приключилась со стрельбой, город от слухов едва не распух, но тоже вроде как-то все²... Лишь круги, круги по воде... По Москве-реке...

А Гоголевский бульвар, он какой-то особый. Вон на той стороне французское кафе «Жак», и там вечно битком набито в тесном зальчике за столиками, и на скатертях можно рисовать, потому что бумажные. И курить можно, и вообще – маленький Париж, Большие бульвары.

Популярности кафе бешено завидуют все фешенебельные заведения общепита, расположенные на Гоголевском. Особенно зло и остро завидуют в ресторане «Беллецца», что по-итальянски «красавица» означает. «Беллецца» занимает весь первый этаж роскошного старинного особняка, что на углу бульвара и Колымажного переулка. Рекламировали, позиционировали ресторан, как VIP, но то ли денег пожалели, то ли сразу баллов недобрали в столичном кулинарном рейтинге. Короче говоря, вложили много, а «отбили» мало. И это несмотря на хорошего шеф-повара (не итальянец, русский дядя Ваня, но всю жизнь проработал сначала в советском, потом в российском посольстве в Риме), несмотря на помпезный дизайн зала, бархатные диваны и кресла, хрустальные люстры и живую музыку по вечерам. Собственный маленький оркестрик, где подрабатывают музыканты из консерватории, до которой рукой подать, – на Никитской. Музыка всегда хорошая, проверенный репертуар на средний возраст – классика,

¹ Подробно об этом читайте в романе Т. Степановой «Царство Флоры», издательство «Эксмо».

² Подробно об этом читайте в романе Т. Степановой «Три богини судьбы», издательство «Эксмо».

танго, венские вальсы, а посетителей мало. То ли планида такая коммерческая – не в масть... то ли еще что-то...

На той стороне бульвара, на Сивцевом Вражке, окопалась целая орда конкурентов. Кафешки, все кафешки, туда только молодежь ходит, бельгийская пивнушка в подвале, там тоже всегда весело, китайский ресторанчик, скромно спрятавшийся в арке. Там цены, там веселье, особенно в пятницу вечером и в субботу – до самого закрытия. А чуть дальше, в Чертольском переулке, ночной клуб «Яма», куда, кажется, вообще никого не пускают, кроме каких-то уж совсем загадочных личностей, подруливающих к бронированным дверям на таких крутых тачках...

На углу Сивцева Вражка и бульвара – небольшой особнячок, отреставрированный, нарядный. Театр-кабаре, афиши дорогие, кричащие «Трагикомическая артель», «Следите за репертуаром!».

Июльский полдень, тишина, сразу видно, что «Трагикомическая артель» готовится к новому сезону, труппа где-то на «чесе» в нефтегазодобывающем Ханты-Мансийске, касса закрыта, в фойе у мраморной лестницы с новыми золотыми перилами гудит пылесос. И тут же в дверях крепкий, осанистый, еще не старый, хотя и седовласый мужчина в черном костюме, при галстуке неторопливо раскуривает сигарету, смотрит на улицу, словно прикидывая – выходить ли на солнцепек или же чуток обождать.

– Сан Саныч!

– Вас слушаю.

– Хорошо, что я вас застал. Сегодня после обеда пожарная инспекция придет, так уж вы покажите им все, ладно? Все, что мы сделали за эти три недели, все точно, как и было нам указано. Я бы сам с ними разобрался, да не могу, времени нет, в аэропорт Домодедово спешу, Говорунова встречать.

– Не беспокойтесь Константин Петрович, все будет нормально. Сумеем договориться. Я этих «тушил» как облупленных знаю.

Осанистый мужчина в черном костюме, Александр Александрович Колобердяев, – не актер, не худрук, но личность в «Трагикомической артели» уважаемая – отличный завхоз, мастер на все руки: в случае чего и за электрика, и за слесаря, и за сантехника, и за шофера, а порой и по ночам еще подрабатывает охранником. Правая рука исполнительного директора артели Константина Петровича Мартова.

Мартов, в тертых джинсах, в белой рубашке, на шее золотая цепочка болтается, промокает вспотевшее лицо бумажной салфеткой.

– Жара какая.

– Завтра, говорят, еще жарче будет, я прогноз слышал. Но обещали грозу. – Колобердяев почтительно, следуя на пол-шага сзади, провожает Мартова до дверей театра, наблюдает, как тот садится в свою машину.

– Грозу? Вот черт! Еще рейс отложат.

– Так то ночью. Ну, счастливого пути, привет Говорунову.

Выправка у Сан Саныча Колобердяева почти военная, хотя служил он в армии очень давно, срочную. И было это... дай бог памяти сколько же лет назад? Жизнь за шестой десяток круто перевалила, но по-прежнему в строю, по-прежнему работает, жить-то на что-то надо, не на пенсию же сквалыжную... Ну, конечно. Это не то, что прежде было...

Эх, вот раньше как работали! Колобердяев снимает пиджак и перекидывает его через руку. Как, помнится, ждали нового посла в Риме, он, Колобердяев, его встречал на машине в римском аэропорту вместе с секретарями, помощниками, атташе, короче говоря, со всем штатом посольства. Ну и что, что простым водителем, он тогда, в 82-м, в нашем посольстве в Италии тоже пять или семь должностей совмещал – и все по хозяйственной части. Молодой был, энергия через край ключом била.

А теперь вот пенсионер, эхе-хе... И эта вот артель, актеришки, правда, тут есть и эти, как их там – звезды нынешние, что по сериалам мелькают. Антреприза... Это все Мартов Константин своими стараниями, своей жилкой коммерческой сумел сколотить, создать, артель-то прибыль дает, и немалую, в театральный сезон своим хозяевам...

Но прежде-то, прежде... в Риме, в посольстве, ох и жизнь была, высокая жизнь, со смыслом... Кто это на себе прочувствовал, тот знает, подтвердит. Вон шеф-повар, например, Шуляк в ресторане «Беллецца», что на той стороне бульвара. Кому Иван Германович, а нам он так просто Ваня... В нашем посольстве в Риме пятнадцать лет на кухне у плиты простоял, теперь вот в ресторане... А кто устроил его туда – он, Колобердяев...

Пойти, что ли, сходить туда, на этот, как его... бизнес-ланч? До пожарников еще далеко, они после обеда нагрянут. Ресторан с двенадцати открыт, но считай что до пяти там вообще никого никогда, залы пустуют. А Ваня-повар вкусы его знает, несмотря на всю свою эту итальянскую кулинарию – макароны там да феттучинни – рюмочку водки ледяной всегда нальет, пирожками угостит с мясом да супчику, бульончику с потрошками, с корешками...

В такую жару?!

А там и пивко найдется из холодильника. И все за Ванин щедрый счет, в благодарность ему, Колобердяеву, за место.

В сумрачном зале «Беллеццы» работали мощные кондиционеры. Ресторан только открылся. Официанты – немолодые уже, в основном перешедшие сюда из «Праги», – откровенно скучали, потому как посетителей, кроме Колобердяева, не было никого.

В углу у рояля собирался на репетицию оркестр – скрипка, виолончель, мандолина. Музыканты Колобердяеву все знакомые, все таким способом подрабатывали, поправляли бюджет. Особо Колобердяев выделял виолончелистку Юлию Аркадьевну.

Привстал из-за столика, поклонился. Царственная женщина, телесами богатая. Сейчас-то вон на репетицию пришла в пестром сарафане, открывающем полные плечи, а как вечером наденет черное платье, поднакрасится, то...

На артистку Наталью Крачковскую похожа, у той, говорят, поклонников было – не счесть. А у Юлии Аркадьевны что-то нету поклонников, даром вес у нее аппетитный – за сто килограммов, есть за что подержаться, а ухажеров нет, ну возраст, конечно, возраст уже не тот, солидный возраст...

И как она ловко, несмотря на все жиры свои, с этой самой виолончелью управляется. Как заиграет, как заиграет... Ну, без мужа живет, зарабатывать надо самой, а на уроках музыки капитала не наживешь.

– Доброго здоровья, Юлия Аркадьевна!

– И вам того же, Сан Саныч.

К столику подошел повар Шуляк. Колобердяев, ободренный приветствием дамы, встретил его благодушно.

– Как жизнь, Ваня?

– Как зебра... Как обычно, Сан Саныч?

– Нет, жарко сегодня. Пива принеси холодного ну и закусить чего-нибудь легкого...

Через пять минут повар – сам Колобердяева обслуживал – вернулся с бокалом светлого пива, с тарелочкой с копченостями и своими фирменными неитальянскими пирожками.

Поговорили, вспомнили былое, как работали в «загранке», да что это значило тогда – работать в «загранке» – в восьмидесятых-то годах. Как нового, назначенного посла встречали всем посольским штатом. Колобердяев вздохнул – было время, послов встречали, а теперь вон Костька Мартов, шеф, тридцатилетний выжига, другого выжигу театрального, Говорунова, в аэропорту встречает. Тот с деньгами возвращается артельными, что за «чес» артисты на Севере заработали. На Северах-то этих вахтовый метод на буровых, на нефтяных, от тоски мужики

там сатанеют. А тут артель артистическая им что-нибудь вроде мюзикла-бурлеска привезет с раздеванием, шоу по типу парижского кабаре с Бульваров.

Музыканты начали репетицию, и у Колобердяева тут же голова заболела. И даже полная Юлия Аркадьевна показалась не такой уж соблазнительной, а просто толстой, заплывшей жиром.

Охо-хо... А день такой длинный впереди, еще и эта чертова пожарная инспекция...

Инспекция нагрянула в три часа. И до самого вечера у Колобердяева не было свободной минуты. Все, все обошли и проверили. И зрительный зал, и гримерные, и все подсобные помещения, и постановочный цех, и в подвал спускались, и на чердак лазили, и сигнализацию по сто раз включали.

Потребовались недюжинные дипломатические навыки, настойчивость, мужество, если хотите, чтобы устоять под таким напором, не сдаться.

В восемь часов измочаленный Колобердяев выпроводил инспекторов. В десять ушли все, кто работал в здании. И Колобердяев – а это был как раз вечер его суточного дежурства уже в качестве охранника – запер двери. Достал из холодильника жареную курицу и бутылку водки. Это вам не бизнес-ланч фиговый, это вам русский ужин холостого человека. Водка...

Жена Агнесса никогда этого не понимала, потому и ушла, бросила... Водка... Когда в посольстве-то работал, конечно, не так пил, тогда боя-я-а-лись... А сейчас, сейчас никто ничего не боится, всем до лампы, до фонаря.

По телевизору показывали новости. Потом пошел фильм какой-то американский. И Колобердяев заснул в кожаном кресле. Он спал. И проснулся...

Показалось, что его разбудил телефон, зазвонивший где-то там – в темноте пустого здания. Но нет, кому звонить в такую пору? Это в телевизоре, наверное...

Фильм по Первому каналу еще шел, а за окном... За окном так полыхнуло!

Гроза. Ну, обещали ж синоптики. В открытую форточку врывается упругий ветер.

В комнате стояла спертая духота и витал водочно-чесночный дух. Надо бы устроить проветрион. А то утром люди придут, неудобно.

Колобердяев встал, открыл окно настежь, а сам пошел в фойе. Что там с погодой на улице?

Сквозь стеклянные двери он увидел, как снова полыхнула молния. Синий мертвенный свет словно испортил привычную палитру – фонари, темные кроны деревьев там, на бульварной аллее. Сколько времени? Без малого три? Ни машин на Гоголевском, ни прохожих.

Колобердяев хотел было уж отойти от дверей, как вдруг что-то показалось ему... Там, на бульваре напротив... *что это?*

Он толкнул дверь и... Он готов был поклясться, что сам лично запер все перед тем, как уединиться с бутылкой в кабинете. А теперь дверь открылась, будто приглашая его выйти наружу.

А там, на бульваре...

Опять полыхнула молния, и где-то еще далеко прогремело. Темные окна домов, темная аллея, и там... Что там?

Колобердяев вышел на улицу – без пиджака, шагнул на проезжую часть, где не было машин. Первые капли дождя ударили его по лицу – больно, но он этого даже не заметил.

ГЛАВА 5

ЮЛИЯ АРКАДЬЕВНА

Дама, которой так откровенно и одновременно исподволь интересовался завхоз Колобердяев – Юлия Аркадьевна Кадош, едва только в репетиции оркестра настал перерыв, тут же выхватила из сумки пачку бумажных салфеток, косметичку и мобильный телефон.

Салфетками она тщательно протерла гриф свой виолончели, отложила ее в сторону и начала сосредоточенно подправлять расплывшийся от жары макияж. Достала подводку, навела заново жирные черные стрелки в уголках глаз, густо напудрилась и накрасила губы, взбила пальцами темные волосы. К счастью, в салон к парикмахеру еще не пора, а то опять расходы. Правда, если вы жена какого-нибудь толстосума или чиновника, косметические салоны в ваши пятьдесят восемь без малого – это как раз то место, где вам и надлежит проводить большую часть досуга. Но если вы работающая одинокая женщина, если пашете как лошадь – ведете класс в консерватории, ездите по частным урокам, да еще играете по ночам в таком вот оркестре в этом чертовом итальянском кабаке на бульваре, то... То все эти радости жизни – качественный пилинг, массаж, «уколы красоты» и прочее – не слишком-то доступны по причине своей дороговизны.

Пудрясь, она то и дело нервно поглядывала на телефон – в эти часы ей обычно звонила из Кишинева вся ее многочисленная и теперь такая далекая молдавская родня: сестра София, племянница Марики и тетя Марта. Когда-то – давно – молдавская родня навещала ее в Москве часто, чуть ли не по три раза в год. Но, увы, времена изменились. И остались лишь телефонные пересуды.

Юлия Аркадьевна Кадош – с виду такая живая, полная, цветущая и жизнерадостная женщина, трудившаяся без устали, виолончель которой пела порой так призывно и страстно, была на деле серьезно больна. Диабет... С тех пор, как в прошлом году она лежала в коме, а потом два месяца провела в больнице, телефонные переговоры с Кишиновым стали почти ежедневным ритуалом. И не только потому, что молдавские родственники беспокоились о ее здоровье, а и оттого, что их всех безумно интересовал вопрос, кому *в случае чего* – ну вы понимаете, все под богом ходим, а диабетики особенно – достанется квартира в Большом Афанасьевском переулке, в самом центре Москвы, до которой от бульвара и от ресторана «Беллецца», и от консерватории было рукой подать – пятнадцать минут пешком.

Квартира для одинокой и не густо зарабатывавшей Юлии Аркадьевны просто царская – четырехкомнатная, с двумя туалетами, с просторным холлом, в кирпичной башне, где дожила свой век бывшие совпартрудники. Семейство Юлии Аркадьевны перебралось в Москву из Кишинева через Днепропетровск еще в начале шестидесятых, ее отец был руководителем знаменитого в то время на весь Союз молдавского ансамбля песни и пляски, без участия которого в оные времена не обходился ни один кремлевский концерт. Отца Юлии Аркадьевны лично знали и любили Брежнев и министр МВД Щелоков.

В то время... Но об этом Юлия Аркадьевна вспоминала с тоской. Да, и мы тоже жили когда-то, и быт казался сказкой, но вот подкатила вторая половина жизни и – ничего, только труд, труд, только болезнь, немощь, только страх...

И сын не помощник... Негодяй...

До репетиции в ресторане «Беллецца» Юлия Аркадьевна успела зайти на очередную консультацию к нотариусу в офис на Знаменке. Крася губы, ожидая традиционного звонка из Кишинева от племянницы Марики, она прокручивала в памяти этот разговор.

– Ну и что же вы решили?

– Ох, не знаю, я в таком сомнении.

Нотариус – молоденькая бойкая девица. И, возможно, поэтому Юлия Аркадьевна, ставшая с некоторых пор крайне мнительной, не доверяла ей ни на грош.

– Ну, вариантов много, как распорядиться квартирой.

– Я понимаю. Я тут знакомилась с предложением фирм о пожизненной ренте, ну когда... ну если я подпишу им квартиру, а они будут платить. Но это же чужие, а кругом сплошной обман...

– У вас же есть родственники.

– Спят и видят, как переехать сюда, в Москву, только и ждут смерти моей. Каждый день вон звонят, узнают – не сдохла ли еще, – Юлия Аркадьевна там, в кабинете нотариуса, говорила о своей кишиневской родне почти с ненавистью.

– Вы хотели составить завещание в пользу вашей двоюродной сестры из Кишинева или племянницы, насколько я помню, – нотариус вела разговор с ангельским терпением.

– Да, хотела... а сейчас не знаю, сомневаюсь. Мне нужен уход, средства на лечение, а от них разве дождешься? И хоронить-то не приедут, если что... М-да, не хочется об этом думать, а приходится. – И Юлия Аркадьевна там, в кабинете нотариуса, в который уж раз начинала рассказывать о том, как лежала в коме.

– Да, конечно, это ваши дальние родственники. Но, насколько я знаю, у вас есть сын.

– У меня нет сына.

– Ваш приемный сын – Савелий Кадош.

– Кадош – это наша фамилия, это мой отец, его дед приемный, дал ему эту фамилию, – Юлия Аркадьевна поджала губы. – Какая дура я была тогда... господи, такая дура, я так хотела ребенка, а из-за этого проклятого диабета... врачи сказали, что... в общем, я испугалась, а надо было своего рожать, а не брать этого... неизвестно кем и от кого прижитого, от черта, от дьявола... Представляете, я до сих пор помню тот день в августе, когда мы приехали в детский дом – я, мама, отец... Мои родители, они на все были согласны – хочешь усыновить приемного, усыновляй. Я хотела совсем малыша, а этот... ему тогда было уже девять, он вышел в коридор, и, пока мы шли... он смотрел на нас, на меня, и я... Он был такой хорошенький, темноволосый... как ангелочек, и я... Господи боже, что я наделала, зачем, зачем я сказала им всем, что хочу взять именно этого мальчишку!

– Успокойтесь, я понимаю, бывают конфликты, в семье все бывает. – Нотариус налила Юлии Аркадьевне воды в стакан. – Между родными бывают конфликты, что уж о приемных детях говорить... Но вы прожили столько лет вместе, вы его вырастили, он фактически ваш сын. И, насколько я знаю, он сейчас весьма обеспеченный человек... И в конце концов, по закону именно он ваш прямой наследник, и часть вашей квартиры принадлежит ему по факту.

– Это меня и убивает, – Юлия Аркадьевна всплеснула полными руками. – Именно из-за этого я и покоя себе не нахожу – что после моей кончины все достанется этому негодяю, этому подонку...

– Вы давно не общаетесь с сыном?

– Много лет. Но он иногда появляется, проверяет – жива ли я... Когда-нибудь ему надоест ждать и он... он либо сам меня прикончит, либо найдет кого-то среди этих своих... я даже не знаю, как их именовать...

– Простите, я не понимаю, – нотариус пожал плечами. – Он что, дурно к вам относился? Что он такого ужасного сделал?

– Понимаете, есть вещи за гранью. О них даже говорить нельзя. Страшно о таких вещах говорить.

– Извините, мне непонятно. Он что, пытался убить вас, свою приемную мать? Недостойно вел себя? Ваш сын Савва Кадош, я наводила справки, он обеспеченный человек, много чего имеет, кажется, клубом ночным владеет. Так?

– Вы лучше спросите, кто им владеет.

– То есть?

– Его душой, его бессмертной душой. Если она у него, конечно, есть – душа... чертово семя...

– Юлия Аркадьевна...

– Что? – Юлия Аркадьевна смотрела на молоденькую юрист-девицу. – Думаете, у меня с головой не все в порядке? Я в своем уме. Я в церковь ходила, со священником хотела поговорить, но тут, в центре, в храмах батюшки такие молодые, такие продвинутые... Больно умны... Слушают, головой кивают, а думают вроде вас... А это вопрос веры, а не пустых интеллектуальных рассуждений о том, что... Да я ему говорю, этому попу, ОН адская тварь, мой приемный сын... Делает такие вещи, такой соблазн творит... А батюшка мне – как вы: не нервничайте, успокойтесь, если даже там, в церкви, от большого ума сейчас в ад не верят, то... то куда же мне... к кому обращаться? – Юлия Аркадьевна залилась слезами.

Нотариус смотрела на нее сочувственно, а затем предложила подумать еще и прийти уже с готовым решением – кому завещать квартиру в Большом Афанасьевском переулке.

Такова проза жизни.

Перерыв кончился, и репетиция возобновилась. Юлия Аркадьевна сразу взяла себя в руки, встряхнулась. Играть надо, публику вечером веселить, а публики в ресторане кот наплакал. А придется потом возвращаться домой по темному бульвару, по переулкам, благо тут всего ничего пешком.

Она видела Колобердяева, сидевшего за столиком у окна, потягивавшего ледяное пиво. Какой-то приятель здешнего повара, вроде работали раньше вместе, теперь вот таскается почти каждый день обедать на дармовщину, повар ему чем-то обязан, вот и стелется... Но вообще-то мужик солидный, крепкий еще и, кажется, одинокий, работает вот в этом театре-кабаре, что напротив, в Сивцевом... Улыбается каждый раз – немного, правда, развязно, вот и сейчас. Помахать ему надо, поприветствовать. Ах ты, жук старый, туда же... неужели она нравится ему? А что, они одногодки, то есть он ее старше, конечно, но... И о болезни ее он ничего не знает. Мужик солидный... Попивает, это ясно, морда красная... опух... Ну что ж, а кто сейчас не пьет? Если хочет чего, пусть делает шаги, она в принципе не против. Может, что и с квартирой он ей дельное присоветует, может, связи у него какие-нибудь еще остались по старой памяти. Повар-то здешний, Ваня, вон как его обхаживает, видно, не за зря.

Колобердяев покинул «Беллецу», когда репетиция еще не закончилась. А потом и Юлия Аркадьевна упаковала свою виолончель в футляр и под палящим солнцем потащила на троллейбусную остановку – в пять часов у нее был частный урок музыки в квартире на Трубной, а потом еще один – уже в Медведкове, куда надо было ехать на метро. В ресторане она в этот вечер не выступала, ее рабочие дни – четверг, пятница и суббота. Сегодня же вторник. А к вечеру вообще обещали по радио дождь и грозу.

ГЛАВА 6 СУДЕЙСКИЙ

– Глеб Сергеевич, только что звонили из Общественной палаты, слушания назначены на пятницу на одиннадцать часов. Аналитический отдел составил справку, и там еще данные статистики по судебным приговорам.

Глеб Сергеевич Белоусов – в прошлом судья, а ныне начальник управления судебного департамента – выслушал свою секретаршу, звонившую ему на мобильный.

– Хорошо, спасибо, по поводу сегодняшнего совещания... у меня на столе голубая папка, присоедините ее к остальным документам. – Он обедал в пустом зале тихого и весьма приличного, по его оценке, итальянского ресторана «Беллецца» в полном одиночестве. Пригласил на обед старого приятеля – тоже в прошлом судейского, а ныне чиновника Минюста, да того задержали дела – звонил товарищ, извинялся, в другой раз, Глеб, в другой раз встретимся, посидим.

А кто знает, когда этот самый «другой раз» наступит? Жизнь коротка... Ах, как же она предательски коротка...

Белоусов закончил есть суп, официант принес телячью печень. Белоусову в «Беллекке» нравилось все: сумрачный зал, солидные официанты и даже меню – вроде итальянское и вместе с тем какое-то «наше»... Как в молодости бывало, когда деньги водились, шли с товарищами в «Арбат» или ресторан гостиницы «Россия», от которой теперь остался один лишь пустырь-свалка напротив Кремля.

Возле ресторана на бульваре Белоусова ждала служебная машина, шофер Крабов спал. Белоусов заказал для него пиццу и попросил упаковать «с собой», шофер – парень молодой, пусть порадуется.

Москва изнывала от жары. В оные времена Белоусов после работы отправился бы прямо в Мирное – всего-то ничего от Москвы, где в загородном доме, добротном, просторном, ждала его семья. Там лес, речка, там жили они все когда-то и были счастливы.

Да, они были там счастливы.

Но теперь ни леса, ни речки, ни дачи, ни семьи. Дом стоит пустой и заколоченный – высокий забор, ставни на окнах. Когда-то на двери была прокурорская печать, потом ее сняли, потому что расследование...

Да, было же расследование...

Долго оно шло.

А теперь закончилось, оборвалось.

Звонок на мобильный. Снова секретарша? Чересчур уж исполнительна и активна, прямо достает своей работоспособностью.

– Аллю, я слушаю.

– Глеб Сергеевич? – голос на том конце хриловато развязный, пьяненький.

– Кто говорит?

– Полыхалов я... ну, Полыхалов с кладбища...

– А, вы... добрый день, что еще там?

– Уж и не знаю, как сказать, приехали бы сами – глянули. А то ведь деньги мне платите, что б я это... за могилкой-то ухаживал, прибирался... А тут такое дело, уж и не знаю что... сами бы приехали, посмотрели.

– Да что случилось?

– Крест там того... обломился под самый корень. И вообще яма...

– Какая яма? Что вы несете? Опять пьян? – Белоусов решил, что кладбищенский сторож, которого он нанял, либо допился до белой горячки, либо рехнулся.

– Никак нет, какая пьянка, тут такие дела... Приезжайте сами и увидите. А я что – я доложить обязан, так как вы мне деньги даете за досмотр, только это не по моей вине, это *оно само*.

Белоусов посмотрел на часы. Совещание в департаменте будет в семь, а сейчас только половина третьего, в принципе вариантов два – вернуться на службу в свой кабинет, в прохладу кондиционера, или проехаться по жаре, а потом вернуться в Москву. Кладбище там, за МКАД... По той же дороге, что и родное, зеленое, а теперь чужое Мирное.

– Что у нас с пробками? – спросил он шофера Крабова, садясь в машину и протягивая ему коробку с пиццей.

– Ой, спасибо! Да вроде ничего сегодня, нормально пока. Куда, Глеб Сергеевич?

– На кладбище надо съездить, там какой-то беспорядок, звонили.

Шофер сочувственно глянул на Белоусова. Его историю хорошо знали в автохозяйстве, обслуживавшем судебный департамент. Как же, такой человек, на такой должности, и вот... дочь потерял, говорят, приемная была, а как родная – женился на женщине с ребенком и удочерил, растил столько лет. И вот по трагической страшной случайности потерял. Ездит на могилу – и все один, бобылем.

А жена...

Но о таких вещах шофер никогда не спрашивал, даже не заикался. Хотя слухи в автохозяйстве по поводу всей этой истории ходили разные. И немудрено. Такая смерть, такая страшная смерть...

– Если Киевское шоссе свободно, за полчаса домчим, только бы на Кутузовском проскочить. – Шофер отломил от пиццы солидный кусок и попробовал. – Вкусно, спасибо, Глеб Сергеевич.

Всю дорогу ехали молча, Белоусов на заднем сиденье после сытного обеда даже дремал – так, по крайней мере, казалось водителю.

Кирпичная стена кладбища выросла справа – в чистом поле, сразу за лесом, когда город, аэропорт Внуково, поселки, дачи остались далеко позади. У входа раскинулся маленький цветочный базар, на стоянке машин не так уж много – будний день, но в кладбищенские ворота один за другим въезжали похоронные автобусы.

Белоусов вспомнил слова сторожа: «Каждый день хороним, конвейер». Оставив машину на стоянке, он прошел прямо в кладбищенскую контору и спросил Пыхалова. Того нашли не сразу, пришлось ждать полчаса, и за это время Белоусов никак не мог ни от кого добиться толка. Называл номер участка – тот, у самой стены, где калитка с выходом к лесу, захоронение было пять лет назад, памятник поставлен – скульптор делал на заказ, известный скульптор, столичный.

Белоусов сам порывался идти к могиле, но каждый раз его окликали конторские, мол, подождите, сторож сейчас придет, вот сейчас, вы же платите ему за уход за могилой, вот он вам лично все и покажет.

А потом Белоусов через окно увидел наконец баламута-сторожа. Тот шел в сопровождении двух патрульных милиционеров, и вид у него был растерянный и встревоженный. Впрочем, милиционеры попрощались и направились к воротам, а Белоусов шагнул с конторского крыльца.

– Глеб Сергеич? Так быстро? – Сторож Пыхалов, казалось, вовсе не обрадовался, а встревожился еще больше. – Ну ладно, теперь уж нечего... пойдете, покажу...

– Да объясни же, наконец!

– Я это, приболел... три дня на бюллетене... Потом это... поправился маленько, вышел на работу, и сразу обход... я к своим обязанностям честно отношусь, Глеб Сергеевич, не подумайте что... ну вот иду туда, а там...

Сторож Полыхалов, бубнивший все это себе под нос совершенно невразумительно, внезапно остановился. Белоусов, шедший сзади, едва не налетел на него. И сразу ощутил запах... тяжелое зловоние, исходившее откуда-то справа. Они находились уже недалеко от могилы, навещать которую Белоусов за эти пять лет приезжал всегда один, без жены.

Справа – кусты сирени и кладбищенские туи, низкие ограды, могилы с памятниками и плитами. И там, за кустами, бело-красной лентой был огорожен по периметру довольно большой участок. Именно оттуда несло трупной вонью.

– А там что такое? – Белоусов шагнул с дорожки.

– Подождите, не ходите туда! Не сейчас. Милиция вон приехала... Вандализм, говорят... а какой это, к черту, вандализм, это вообще ни на что не похоже... Я говорю, кто доставать-то это оттуда будет, эту падаль... А они: вы здесь работаете, вы и доставайте... Подождите, я говорю, не ходите туда, – сторож почти приказывал Белоусову, и тот, непривычный к такому тону, даже опешил. – Вам свое сперва глянуть надо...

Белоусов прошел еще несколько метров вперед и... Вон липа, ее хорошо видно с дорожки, заметный ориентир. Памятник он заказал простой и одновременно строгий – черный мраморный крест, довольно высокий, черная мраморная плита. Крест почти рядом с деревом, и его видно, а сейчас...

Он сделал еще несколько шагов и остановился.

Он не узнавал места, которое регулярно посещал в течение пяти лет – в день ее рождения... в день ее смерти... Иногда, как и многие, на Пасху...

Желтая глина и корни деревьев.

Осколки черного мрамора, торчащие из грунта, как зубья.

Крест – массивный мраморный памятник, – ткнувшийся боком в землю.

Яма...

– Там еще одна, ту кто-то лопатой выкопал, – шепотом, словно чего-то опасаясь, сообщил сторож Полыхалов. – Мерзость там... чертовщина... мух мясных вон целый рой... Но там лопатой орудовали, копали. А здесь сами видите. Тут оно *все само*.

Белоусов видел.

Но ничего не понимал.

ГЛАВА 7

ОСТАНОВКА ПО ТРЕБОВАНИЮ

Если встать поздно, провалявшись, пролежась в постели до одиннадцати, день все равно будет таким же длинным, как если бы вы вскочили в шесть. И нудным. Так казалось Кате, когда *этот день* начался и все длился, длился...

В Главк она должна явиться к обеду, потому что в этот день работали в ночь – в Балашихе как раз завершалась операция по поимке преступной группы, грабившей грузовые фуры на дорогах. И основных событий – то бишь задержания с поличным – ждали лишь к вечеру, если, конечно, повезет в оперативном плане.

Уголовный розыск, естественно, пахал круглыми сутками, а вот пресс-службу Главка решено было подключить только на конечном и самом ярком в смысле зрелищности этапе.

В результате Катя спала как сурок до одиннадцати, пока жгучее солнце, льющее открытое окно золотистым потоком, не разбудило... Нет, разбудил ее звонок мужа – Драгоценного В.А.

«Как ты?» – «Я прекрасно, как ты?» – «Я отлично, у тебя сегодня выходной?» – «Только до обеда, а у тебя?» – «У меня все дни тут почти как выходные, ты же знаешь».

Драгоценный звонил из Ниццы, где вот уже два месяца в очередной клинике лечился его работодатель, у которого он служил начальником личной охраны.

Катя как-то даже уже и привыкла и к отсутствию Драгоценного, и к его переездам по Европе... Говорят, в любом браке наступает вот такая пауза... неопределенность, когда вроде бы надо что-то решать, а оно не решается, и все чего-то медлят... Словно ждут.

«Как ты?»

«Я прекрасно, как ты?»

«Что будешь делать сегодня?»

Что мы будем делать сегодня... Катя подошла к зеркалу, повернулась боком, спиной, потом снова боком, тщательно и придирчиво разглядывая себя всю. Ну что ж, вообще-то недурно... Кто-то сказал, что современная красота – это длинные ноги, тонкая талия и высокие скулы. И то, и другое, и третье в наличии. Веснушки от солнца на носу, но это не портит, наоборот, придает задора и веселости, хотя... где уж тут веселиться, после таких звонков из Ниццы... Кошки бездомные скребут на душе, но все равно – на внешности это никак не должно отражаться. Итак, что мы имеем – волосы отросли, их можно собрать на затылке в хвост. Взгляд... о, конечно же, открытый и смелый. Чересчур даже... можно и поскромнее. Если бы глаза были черные, то совсем бы получился тот самый образ, который... который там, где-то в мечтах. Но глаза серые. Кто-то когда-то говорил, что в этих глазах можно утонуть. Кто-то говорил – он, Драгоценный, муж.

Она пила горячий кофе и смотрела в открытое окно на родную Фрунзенскую набережную. Здесь вам не Ницца, да уж... Если сегодня в Балашихе все же задержат этих чертовых ханыг, будет, интересно, стрельба или нет? Вот бы была! Парочка автоматных очередей ОМОНа и одиночные пистолетные... Ах, как бы это оживило и ее газетный очерк для криминальной полосы «Вестника Подмосковья», и сюжет для «Дежурной части», который готовят сотрудники главковской телестудии.

Позавтракав, Катя немного убралась, включила стиральную машину, а сама притулилась в кресле с ноутбуком на коленях – проверила, перечитала уже готовую статью и скинула ее по электронной почте в редакцию.

Потом зарядила походный «маленький» ноутбук, сунула в необъятную свою и любимую кожаную сумку цифровую камеру, блокнот, пару плиток горького шоколада, а также балетки.

На работу она ходила на высоченных каблуках, но вот при выезде «на операцию» всегда меняла обувь на более удобную.

Самый обычный день, рутина. Правда, будет задержание... Посмотрим, а то прямо хоть от скуки умирай.

О Драгоценном она больше и не вспомнила. Нет... неправда... Но это было неважно, мало ли что и кто вспоминается... Воистину сложный период, и они оба все чего-то ждут. И некому даже пожаловаться, некому в жилетку поплакаться – подруги в отпуске, разъехались кто куда, общий друг детства Сережечка Мещерский возит туристические группы по Непалу, когда туда еще попадешь к нему...

В Балашиху отправились после обеда, а когда приехали, там все было как-то зыбко, неясно. Впрочем, так это обычно и бывает при крупных значимых задержаниях.

Все чего-то ждали и вместе с тем словно боялись сглазить. Где-то там, в городе и на трассе, расставлены засады, но точное место не называлось.

Катя вместе с телевизионщиками расположилась в отделении милиции, сидели в кабинете, пили крепкий кофе и ждали звонка. В отделении тем временем шла обычная рутинная работа – доставляли разную «мелкоту», оформляли протоколы.

В коридорах на банкетках ждали вызванные на допрос к следователям свидетели с повестками в руках.

Жарко и душно, и где-то там, далеко, собиралась гроза, и телевизионщики выглядывали в раскрытое окно кабинета – только ливня не хватало, если вдруг вот сейчас позвонят и скажут...

В отделении милиции, несмотря на недавний ремонт, витал еле уловимый и одновременно стойкий запах казармы. Банкетки, отполированные задами сотен свидетелей и задержанных.

Закат... солнце садилось, а они все ждали. Стало смеркаться...

В дежурной части работал телевизор, и под его бормотание, несмотря на весь выпитый кофе, глаза Кати начали слипаться... Она открыла ноутбук, перелистала файлы с фотографиями прежних задержаний.

Один из телевизионщиков принес в кувшине холодной воды для кофеварки, и тут позвонили.

И началось!

Увы, задержание, которого все так напряженно ждали, прошло тихо, без пальбы. На шоссе, где все и случилось – преступники тормознули фуру, а оттуда на них посыпался ОМОН, и оперативники подоспели, – проезжавшие мимо водители так ничего толком и не поняли. Проверка документов? Бывает.

Катя была даже разочарована. Профессионально, конечно, сработано, но без блеска, вот если бы погоня с мигалками, с сиренами, постреляли бы...

Однако она покорно занялась своими репортерскими обязанностями. Записывала, рассматривала и фотографировала вещдоки – фуру, машину, на которой ездила банда, изъятое оружие.

И время летело как на крыльях. Давно стемнело, а когда в Балашихе все в оперативном плане закончилось, наступила уже глубокая ночь.

Доехали до Главка – слепящие ночные огни, оставили аппаратуру в телестудии.

– Екатерина Сергеевна, сейчас машина придет оперативная, по домам всех развезет, – сообщил Кате знакомый дежурный.

Но тут за окном полыхнуло и громыхнуло! Пришла гроза. И такого ливня... такого бешеного, страстного ливня в городе не видели давно.

Узкий, как ущелье, Никитский переулок сразу же наполнился потоками мутной воды – с Тверской эти потоки неслись на Большую Никитскую. Ливень шумел, сточные трубы гудели, молнии, молнии сверкали одна за другой. И ничего не оставалось, как пережить грозу под

крышей – в круглосуточно работавшем главковском буфете, опять-таки за чашкой черного кофе – неизвестно какой уже по счету.

Может, именно количество поглощенного за день кофеина подействовало на Катю так странно уже *потом*, когда...

Машину подогнали во внутренний двор Главка, когда гроза слегка сбавила обороты – не до утра же тут куковать, и так уж четвертый час!

Садясь, Катя промочила ноги и на заднем сиденье, пока ехали по Никитской, начала переобуваться, пусть уж опять будут босоножки на шпильке, лишь бы только...

– Ну и ночка сегодня, – хмыкнул водитель-милиционер. – Устали? Ну ничего, сейчас дома будете. Айн момент, и...

Они как раз проезжали по пустынному и мокрому Гоголевскому бульвару. Катя ходила здесь тысячи раз пешком.

Огни, огни – тусклые, отраженные в глубоких лужах, отпечатанные желтыми пятнами на мокром асфальте. Огни, огни, мигают... синие огни...

Измученный водитель резко сбавил скорость, и мимо, как при замедленной съемке, проплыли милицейские машины с включенными мигалками, почти перегородившие проезжую часть. А выше на бульваре Катя увидела еще огни – карманные фонари, шарившие по кустам, скользящие по стволам деревьев.

– Что-то случилось, – сказал водитель. – Молнией, что ли, кого-то там убило или пришили... Вон сколько патрульных сюда нагнали...

– Остановитесь, пожалуйста, – попросила Катя.

Водитель оглянулся, она уже тянула на себя ручку двери. Этот длинный день, эта грозовая ночь... ноги и спину ломит от усталости, каблуки, чертовы каблуки... там грязно, на бульваре, дождь, опять, что ли, менять обувь... Пусть она вымотана, пусть голова кружится от кофе, но проехать мимо, когда там что-то случилось, и не узнать, не поинтересоваться... Нет, она ведь профи, криминальный обозреватель, а там, в Балашихе, все произошло буднично, скучно и быстро, так, может, здесь повезет...

– Эй, вас подождать? – окликнул ее водитель.

Катя лишь махнула рукой – езжай, дорогой, спокойной ночи тебе.

А я... как это в старой песенке из мультфильма? «Сейчас мы их проверим, сейчас мы их сравним»... Когда вы в таком настроении, когда ваш муж утром звонит вам из Ниццы и делано равнодушно осведомляется: «Как ты?», и у вас комом в горле застревает это самое: «Я отлично», то...

То что еще остается в жизни, кроме профессионального любопытства и чутья?

Сквозь пелену дождя Катя видела там, на бульваре, сотрудников милиции. Сейчас она узнает, что произошло здесь, в самом центре Москвы.

ГЛАВА 8

МОНАСТЫРЬ

Солнце село за Александрову гору, окрестные леса потемнели. На центральной площади Переславля-Залесского, носившей название Народной, перед кинотеатром собиралась молодежь на вечерний сеанс. Скрипели калитки в палисадах, по горбатым улицам проносились полные автобусы, из дворов пахло жареной картошкой и подгоревшими котлетами. Переславль-Залесский отдыхал после трудового дня.

Пешая экскурсия возвращалась в город с Плещеева озера, после подъема на Александрову гору, после спуска и осмотра знаменитого Синего камня туристы – в основном женщины средних лет – плелись гуськом по обочине шоссе мимо высокой, заново отремонтированной стены Никольского женского монастыря.

В соборе недавно закончилась вечерняя служба, и туристки сетовали, что не успели послушать хор монахинь, что славился далеко за пределами монастыря и упоминался во всех путеводителях по Золотому кольцу.

В монастыре наступал тихий вечерний час, когда монастырский двор пустел, когда монахини разбредались по своим кельям, чтобы потом снова собраться в трапезной на ужин.

Те, кто не уходил к себе, возились в саду, поливали грядки из больших леек, пололи сорняки, подметали дорожки.

Это был час, наиболее любимый в монастыре, и настоятельница разделяла эту любовь к покою и уединению – еще не молитва, но созерцание, спокойный, безмятежный взгляд на мир, философский и мудрый.

Однако на этот раз безмятежность и покой были нарушены. По дорожке мимо клумб со стороны монастырской больницы к настоятельнице торопливо шла, почти бежала одна из дежуривших в палатах монахинь.

– Матушка настоятельница!

Монахиня молода, и голос у нее звонкий, и, наверное, от этого тревога и беспокойство, что были в ее тоне, особенно резали слух. Все, кто возился на клумбах и поливал грядки, обернулись – женщины, хоть и монахини, любопытны...

– Тише, не кричите так, – настоятельница сделала знак рукой. – Возвращайтесь туда, я сейчас сама подойду.

Монахиня на полпути остановилась, потом послушно повернула назад. Вот она уже поднимается на высокое крыльцо монастырской больницы. Помимо хора, это заведение являлось особой гордостью Никольского женского монастыря. Хотя сама больница была небольшая, но здесь имелся и зубо врачебный кабинет, и самое главное – отделение кардиологии с современным реанимационным оборудованием. Задумано все как первая неотложная помощь при сердечных приступах, которые могли случиться у пожилых паломников, многочисленных туристов и просто горожан. Так уж вышло, что среди сестер монахинь монастыря были бывшие врачи, в том числе и хорошие кардиологи. И вместо того чтобы гонять их на монастырские поля полоть картошку и свеклу, матушка настоятельница с помощью щедрых спонсоров решила организовать при монастыре пусть и небольшую, но свою больницу.

Поднявшись вслед за дежурной монахиней, настоятельница сразу же прошла в тесный кабинет, служивший ординаторской. Именно здесь стоял городской телефон. Вообще-то телефоны в монастыре не приветствовались, сестры по уставу не имели даже мобильных.

Все, кроме одной...

И это исключение с некоторых пор доставляло настоятельнице беспокойство.

– Ну как у нее дела сегодня? – спросила она дежурную монахиню.

– Лучше, хотя состояние по-прежнему средней тяжести. Инфаркт есть инфаркт. – В ординаторской монахиня (в прошлом медсестра) снова говорила так, как когда-то у себя в маленькой провинциальной больнице. – Но я хотела сказать о...

– Кардиограмму ей сегодня делали? – Настоятельница снова сделала рукой знак: подождите, не торопитесь так, милая.

– Да, конечно, вот... сестра Софья смотрела, сказала, что изменений к худшему, слава богу, нет... да я и сама вижу. Но она так испугана, так беспокойна, мы поставили ей капельницу, так она с такой злобой... Она словно не хочет, чтобы мы помогали, лечили... Она... сестра Галина... она не слушает ничего, она будто нас же и винит!

– Она просто не в себе, она же больна, – тихо сказала настоятельница.

О сестре Галине – пациентке кардиологического отделения – она знала не так уж много, но достаточно, чтобы... весьма осторожно выбирать слова, когда речь заходила о ней и ее болезни.

Ее доставили на медицинском вертолете из Москвы сюда, в Никольский монастырь Переславля-Залесского. Якобы по ее собственной просьбе, а до этого она после перенесенного инфаркта лечилась в Алексеевской больнице. А инфаркт случился с ней то ли сразу после паломнической поездки в Италию, то ли во время этой самой поездки.

Конечно, паломнические поездки за границу для духовных лиц сейчас самое обычное дело, в том числе и в Италию. Но, как знала настоятельница, сестра Галина пользовалась связями и влиянием, ездила в Рим, и, видимо, это была не просто паломническая поездка, она выполняла какие-то поручения церкви. В Риме одним из самых посещаемых мест, в том числе и для православных, являются древние христианские катакомбы. И сестра Галина посещала их, и вот именно там...

Но это были все досужие суетные слухи, и настоятельница гнала их от себя прочь. Достаточно того, что по поводу здоровья сестры Галины регулярно справлялись из Москвы – из самых разных государственных учреждений, а не только из патриархии. Достаточно того, что ее доставили сюда, в больницу, на медицинском вертолете, ведь кто-то же это оплатил!

Она сама так пожелала – быть здесь, в этом тихом удаленном от столицы провинциальном монастыре. Возможно, она чувствовала себя тут более комфортно... и в большей безопасности... Словно она боялась, пряталась от кого-то. Тревожное, тягостное ощущение.

Но у нее был обширный инфаркт, от которого она до сих пор не оправилась. И слухи о причинах этого инфаркта опять же ходили самые разные, темные слухи.

Чтобы еще больше не будоражить сестер монахинь, мать настоятельница жестко пресекала все сплетни и пересуды по поводу сестры Галины.

Она больна, она пожелала лечиться здесь, в монастыре. Ее доставили на вертолете. Да, возможно, когда-то в миру ее положение было таково, что... В общем, там, в миру, она до сих пор не забыта. И люди, которые знали ее когда-то, до сих пор не оставляли ее своим высоким покровительством.

Этого было абсолютно достаточно для настоятельницы. Но для монахинь сестра Галина должна была оставаться просто больной и страждущей, нуждающейся в заботе и врачебной помощи.

– Она же сама сюда приехала к нам, – выпалила молодая монахиня. – И мы делаем все для нее... все, что можем. А она как будто нас винит.

– Обиды надо прощать, Господь учит нас прощать сердцем, – машинально ответила настоятельница, думая совсем о другом.

Последние лучи угасли там, за Александровой горой... Светлый месяц, ночь будет ясной, и даже если где-то далеко бушует гроза, здесь, в монастыре на берегу Плещеева озера...

– Она несколько раз кому-то звонила.

Настоятельница обернулась от окна.

– Звонила? Она сама звонила?

– Да, и каждый раз... она настойчиво кому-то звонила, прямо маниакально, и мы с сестрой Софьей... Я не знаю, вы же не говорили нам, не можем же мы силой отнять мобильный телефон... Сестра Софья уговаривала ее, что ей нельзя так волноваться. Потому что сразу видно – эти звонки ее волнуют, приводят в отчаяние, она звонит, а ей там не отвечают... или, уж не знаю, отвечают не так... И она так возбуждена, и мы не знаем, что ей колоть, чтобы как-то привести ее снова в норму!

– Ах, господи, я и не подумала... Ладно, ладно, идите... Я сама с ней попробую поговорить, – настоятельница махнула рукой. – Ступайте, занимайтесь своими обязанностями.

Обескураженная монахиня вышла из ординаторской. Но она была всего лишь женщиной, к тому же в прошлом – медсестрой. И уйти вот так было выше ее сил, она украдкой прильнула к двери ухом.

Слышно, как настоятельница звонит кому-то по городскому телефону. В этот вечерний час, когда месяц взошел над Александровой горой в тихом Переславле-Залесском, из монастыря потребовалось сделать еще один срочный звонок – на этот раз по междугородней.

ГЛАВА 9

ОСЛЕПЛЕННЫЙ

Подняться на Гоголевский бульвар можно по ступенькам, «разрыв» в ограде как раз напротив Сивцева Вражка, где водитель остановил машину. Катя увидела людей в форме, и они почти сразу преградили ей дорогу:

– Сюда нельзя, проход закрыт. Не на что тут смотреть!

Странно слышать это в четвертом часу утра, есть фразы, которые не режут слух только днем. Катя предъявила удостоверение, они посветили фонарем на фотографию, потом на лицо Кати. Ее пропустили.

Сколько же народу нагнали... Наверное, весь Центральный округ на ноги поднят, а вон знакомые лица с Петровки 38, МУР... Следователь прокуратуры Берендеев, с ним она тоже встречалась, эксперты-криминалисты – там, у дальней скамейки, окружили что-то, как стая гончих, чуть ли не на коленях ползают в грязи, в лужах, собирают...

– Эй, а ты как здесь?

Катя обернулась. И поначалу подумала, что это какой-то гном низенький, коренастый ее окликает – в мокрой от дождя нейлоновой куртке, с низко надвинутым на лицо капюшоном, в сандалиях на босу ногу. Она заглянула под капюшон:

– Лиля!

Капитан московского уголовного розыска Лилия Белоручка не приветствовала ее аналогичным радостным возгласом, только шумно высморкалась. И Катя вынуждена была объясниться:

– Я из Главка еду домой, мы в районе задержались со съемкой, а тут вижу на бульваре столько машин... и наши все... то есть ваши, Москва... Что-то случилось? Что?

– Дерьмо, вот что, – Лилия Белоручка снова шумно, даже с каким-то ожесточением, высморкалась. – Ладно, пошли, сейчас сама все увидишь, раз уж ты мимо ехала. Все равно *такое*, как ни скрывай, рано или поздно наружу поперет.

– Тебя из дома подняли, да? Дежурный по городу? – не унималась Катя.

Но капитан МУРа уже отвернулась и... Катя поперхнулась собственным любопытством, потому что...

Ах, как бы это сказать поточнее, как выразить... Когда внезапно место, которое отлично вам знакомо, где бывали вы сотни и тысячи раз, предстает вдруг совершенно в незнакомом, странном виде. Может, то ночь была виновата, дождь, что все никак не затихал, частые сполохи молний, сопровождавшиеся уже далекими раскатами грома. А может, переизбыток кофеина, что взвинтил давление, задурил голову, застлал глаза туманом, но Кате почудилось вдруг...

Что-то не так здесь. Что-то не так во всем этом, во всех этих внешних декорациях, столь привычных и обыденных при дневном свете.

Деревья... Аллея...

Огненный зигзаг над крышами, там, наверху...

Деревья...

Аллея...

Бульвар...

Все выученное наизусть и вместе с тем – чужое, только лишь притворившееся знакомым, прежним.

Что-то не то... Что-то странное, несвойственное городу, дикое и грубое, почти первобытное во всех этих внешних декорациях, за которыми скрывается чья-то смерть... страшная смерть...

В глухой час...

В глухом месте...

Да, да, там это было бы более органично – там, в глухом месте, где лишь бурьян и ржавые болванки, темные кусты, овраг... Но не здесь, не на Гоголевском бульваре, пропитанном июльским дождем.

Ночная гроза не принесла с собой свежести, тут во влажном тумане под липами, в расплывающемся, каком-то неживом свете фонарей было просто непереносимо... отсюда хотелось бежать без оглядки прочь...

Катя стиснула зубы. Вот еще новости, что за мандраж? Просто это еще одно место преступления. И она сама, сама попросила водителя остановиться здесь. Так отчего теперь, когда есть возможность все увидеть и узнать, она празднует труса?

Ноги, подошвы ботинок с налипшей грязью, темные брюки... Эксперты, что плотно толпились вокруг, слегка расступились. Капитан Белоручка там, среди них, какая все же фамилия у нее, у Лильки, нелепая, смешная... Но вот вспомнила ее, и на сердце как-то сразу легче стало... Белоручка... А они слушают ее, эти опера из МУРа и эксперты...

Катя медленно приблизилась. Возле скамейки на раскисшей земле навзничь лежал крупный мужчина в белой рубашке, запачканной...

Стоп. Что у него с лицом?

Боже мой, что у него с лицом?!

– Задушен, как видите. Сила нужна была большая, чтобы справиться, потому что сам он, видимо, яростно боролся со своим убийцей.

– А эти раны на лице посмертного характера или же...

– Экспертиза более точно это покажет, но, судя по тому, что мы тут собираем сейчас, материала для исследований больше чем достаточно. В том числе и для будущей генетической экспертизы.

Криминалисты вполголоса разговаривали с капитаном Белоручкой, склонившейся над трупом.

Лицо мертвеца окровавлено. Глаза... отсутствовали, свет карманных фонарей упирался в мертвое лицо, в черные провалы глазниц...

– То, что от глазных яблок осталось, я собрал, – тусклым голосом сообщил один из криминалистов по фамилии Сиваков. – Вот здесь справа, в изголовье... раздавлены... вместе с частицами почвы собираем...

Кате стало дурно. Она быстро отвернулась и... Возможно, от обморока ее спасло опять-таки неумное любопытство. Следователь прокуратуры вместе с оперативниками, светя себе фонарями, внимательно разглядывали какой-то листок бумаги, уже упакованный экспертами в полиэтилен.

– Смерть наступила около часа назад, его убили здесь, на этой аллее, либо еще до дождя, либо когда гроза только-только начиналась, – донеслось до Кати.

Туда не надо смотреть, смотри на этот листок бумаги в руках следователя... Вот так, хорошо, сейчас дурнота пройдет... Спроси, спроси у них что-нибудь...

– Кто его обнаружил? – спросила она.

– Дворники таджики. Когда дождь немного затих, они пошли стоки проверять, а то эту сторону бульвара со стороны Арбата сильный ливень затапливает. Ближе к метро «Кропоткинская» у них мусорные контейнеры и навес, говорят, взяли инвентарь и пошли по бульвару, здесь как раз хотели перейти на ту сторону, там вон спуск и... наткнулись на него, – следователь прокуратуры Берендеев, узнавший Катю, казалось, абсолютно не удивился, что в такой час она тоже тут.

Словно так и надо. Словно все они должны были собраться здесь, когда такое произошло.

– А он... этот потерпевший, он кто? Личность установили?

– Они его видели и раньше в этом квартале... дворники таджики, он тут работал постоянно, что-то вроде сторожа или охранника. А вот на визитке у него другое значится.

Катя смотрела на следователя. На визитке? Выходит, они нашли у него в кармане визитку? Та бумажка, что они так напряженно и сосредоточенно разглядывали, была визитка? Нет, что-то не похоже.

– Все при нем, ключи, бумажник, деньги, визитница, все в карманах брюк, пачка сигарет «Кэмел», – перечислил следователь. – Его фамилия Колобердяев, он здесь работал охранником, хотя на визитке его написано «Директор по хозяйственной части».

– Хозяйственной части чего? – спросила Катя.

И вдруг с той стороны бульвара кто-то из патрульных крикнул во всю силу своих молодых легких:

– Тут дверь театра настежь, а в фойе никого!

– Что, корреспондентка, с лица позеленела малость? – капитан Белоручка хлопнула сзади Катю по плечу совершенно по-свойски. – Айда в театр, прогуляемся, посмотрим, что там и как. Он ведь там работал, видимо, дежурил в ночную. А здесь, на бульваре, эксперты с ним еще не скоро закончат, у них тут работы до фига.

ГЛАВА 10

ФОЙЕ

Что-то там написано такое... какая-то абракадабра, белиберда – там, у входа, у новеньких дубовых дверей «под старину», там, где театральные афиши. Что-то там было написано... «Трагикомическая компания»? Нет, кажется, артель. В аккуратном чистеньком особняке, что на углу Гоголевского бульвара и Сивцева Вражка помещался театр. Ну как раз рядом с троллейбусной остановкой, где останавливаются 5-й и 15-й маршруты. Катя миллион раз ходила мимо этой остановки и этого особняка. Впереди, чуть поближе к метро «Кропоткинская», есть замечательный магазинчик распродаж, там сплошь все итальянские товары, и порой можно обувь приличную откопать по хорошей цене. Катя ходила мимо и никогда... неужели правда никогда не обращала внимания на то, что здесь вот, на бульваре, – театр или что-то вроде кабаре... Что-то трагикомическое... И вот только сейчас, когда они с капитаном Белоручкой подошли к зданию со стороны бульвара, где в луже крови лежал мертвец с вырванными глазами, она...

Если оглянуться через плечо – темная аллея там, за оградой. Старые липы, свет фонарей не проникает под их кроны, превратившиеся от ливня в сплошное мокрое месиво, у листы цвет какой-то неживой, не зеленый, а металлический, словно листва покрыта алюминиевым порошком.

– И правда двери настежь, – капитан Белоручка потрогала створку распахнутой двери театра. – Что ж он все тут бросил без присмотра? Вот так сразу?

– Как это бросил? – спросила Катя.

– Но он же здесь, в театре, работал, я так понимаю, ночным охранником. Эта охрана обычно как дежурит? Запрутся у себя, камеры включают, если есть... Кстати, тут они имеются, камеры-то эти? И телик гоняют всю ночь, а потом баюшки завалятся, – капитан Белоручка внимательно оглядывала двери. – Смотри, запоры какие, а все открыто. Сам, что ли, открыл? Получается, что сам, раз вышел. На грозу любоваться? Да вроде она только-только начиналась, эксперт говорит: убили его либо еще до грозы, либо когда уже полил дождь. Чего ж он на бульвар поперся? Зачем?

– А вдруг его здесь убили, а туда тело перетащили?

– Нет, он был убит именно там, хотя... Будем смотреть, разбираться. Эй, тут есть кто?

– Товарищ капитан, Лиля, проходи сюда – через фойе, – откликнулся из темноты мужской голос. – Мы здесь с Федуловым помещение осматриваем, проходите, сейчас свет включу в вестибюле, тут у них, кажется, выключатели.

Свет вспыхнул, но из десятка ламп в фойе отчего-то загорелось только две, и освещение было скудным. Катя смотрела по сторонам – обычное театральное фойе, все новое, видимо, театр ремонтировали и денег в интерьер вложили немало – лестница, гардероб, буфетная стойка – закрытая чехлом, зеркала... много зеркал.

Открытые ночью двери театра. Он, потерпевший, вышел из здания и перешел на ту сторону, переход со ступеньками тут в двух шагах, она, Катя, сама только что поднималась по этим самым ступенькам туда, а он...

– Как его зовут? – спросила Катя. – Следовательно мне говорил, но я...

– Колобердяев Александр Александрович, так на его визитке написано. Пожилой, на вид за шестьдесят уже. – Капитан Белоручка внимательно оглядывала фойе, потом прошла мимо буфета к дверям с надписью «Служебный вход».

Двери были приоткрыты, там горел свет. Катя увидела длинный коридор с серым ковровым покрытием, еще одна дверь открыта – вторая слева. На пороге показался оперативник.

– Мы зал зрительный осмотрели, там ничего, все тряпками укутано. По-моему, у них нет сейчас представлений, лето ж... А там, судя по всему, его комната. Камер внутреннего наблюдения нет, так что не за монитором он дежурил, а по старинке. Телевизор работал, когда мы вошли... Чайник электрический был еще теплый. Да, там список телефонов должностных лиц. Материально ответственный у них некто Мартов, ну мы ему сейчас позвонили – на мобильный, позвонили и Говорунову, за него жена ответила. Сказала, что тот приехать не может, мол, с самолета, только что из командировки прилетел и выпил лишнее... в общем, пьяный... А Мартов сейчас приедет, хотя тоже никак поначалу в толк не мог взять, что случилось. Подумал, в театре пожар.

Следом за муровцами Катя вошла в небольшую квадратную комнату, где забранное решеткой окно было открыто, жалюзи подняты, где без звука все еще работал телевизор (звук выключили оперативники). На письменном столе – остатки снеди, чайник электрический на тумбочке в углу, на спинке стула висел черный пиджак, а в воздухе витал запах сигаретного дыма и алкоголя.

Капитан Белоручка показала на бутылку водки, где зелья оставалось на доньшке.

– Похоже, один гулял, дежурил... Но все равно проверить не мешает, забирайте на экспертизу, упаковывайте. И еду, сравним потом с результатами вскрытия, когда эксперт заключение даст по гистологии.

Закончив осмотр этого помещения, снова прошли по коридору, проверяя двери, – это оказались либо артистические уборные, либо гримерные, и все заперты на ключ. Затем заглянули в зрительный зал.

Сумрак. Кресла под серыми чехлами, похожими на растянутые паруса. Алый бархатный занавес. Зал напоминал конфетную бонбоньерку – все новенькое, начищенное до блеска, недешевое и одновременно какое-то ненатуральное, словно склеенное, вырезанное из бумаги и папье-маше. Катя подумала: у многих нынешних театров вот такой вид, что-то уж очень коммерческое, почти магазин, только с занавесом и креслами для зрителей. И кресла эти – как и в большинстве других таких же театров – сборные. Два с такой обивкой, три с другой. Она не удержалась, подняла чехол, проверила – так и есть, гнутые ножки, итальянские ткани, пестроты. Приют комедиантов... Нет, трагикомическая артель...

Он, этот человек, что лежит теперь там, на аллее, без глаз... он оставил все это, хотя должен был охранять. И один ночью в дождь пошел туда – на бульвар. Зачем? Что заставило его так поступить?

– Что? Ты о чем? – спросила капитан Белоручка.

– Я удивляюсь, Лиля, что заставило его так поступить? Выйти на улицу ночью? И вообще, как такое возможно в самом центре... здесь... Сначала задушили, а потом глаза... Он же кричать должен был, на помощь звать.

– Когда за горло железной хваткой возьмутся, не очень-то закричишь. А там хватка была что надо, следы на горле у него видела какие?

– А может, нападавших несколько было? Наркоманы, хулиганье? Увидели пожилого человека и... – Но Катя чувствовала, что эта ее версия, скорее всего, далека от истины.

Слишком уж вид у капитана Белоручки мрачный и сосредоточенный. И у всех членов опергруппы, что продолжали искать улики там, на аллее, вид был такой, что версия обычного хулиганского нападения сразу отпадала.

– И не ограбили его, да? – спросила Катя. – Следователь про его бумажник упомянул, про деньги...

– Ты-то как тут все-таки оказалась? Не пойму я. – Лиля Белоручка обошла сцену вдоль рампы.

– Я же объяснила, мы допоздна в районе сидели, там операция по задержанию, я репортаж готовила, ребята-телевизионщики снимали. А потом меня дежурная машина домой повезла, я

мимо Гоголевского сто раз ездила, ходила. У меня подружка есть – фотограф Анфиса, у нее тут студия в двух шагах от Кропоткинской, комната в коммуналке. А тебя из дома вызвали, да?

– Ага, представляешь, только-только уснула с таблетками...

– А друг твой... Митя, он не разорвется, когда тебя вот так, среди ночи, по звонку вдруг...

– Еще как разорвется, дуется потом по два дня. Вида не показывает, но переживает, ревнует дурачок, – капитан Белоручка фыркнула. – К счастью, не было его сегодня у меня, он по делам фирмы в Твери, только завтра явится, то есть уже сегодня...

– Лиль, я понять не могу, по какой причине его убили, а потом так страшно изуродовали? – Катя и не слушала ее, думала уже о том, о главном.

– Вы здесь, товарищ капитан? – В зрительный зал зашел один из оперативников. – Лиль, слушай, там этот приехал, кого мы вызвали... Мартов... Он немного того, не совсем трезвый... Сама с ним поговоришь или...

– Я сама поговорю, он там, в фойе? Слушай, а сюда, в театр, пригласите эксперта, лучше Сивакова, он самый опытный. Если он на бульваре закончил, пусть детально осмотрит кабинет, двери... пусть входные двери тоже осмотрит и обработает.

В фойе в тусклом свете ламп их ждал мужчина средних лет. Катя поняла, что это какой-то то ли продюсер, то ли художественный руководитель.

– Здравствуйте, – низенькая капитан Белоручка доходила вновь прибывшему едва до плеча. – Московский уголовный розыск, вот осматриваем место происшествия. Позвольте ваши документы.

– Вот, пожалуйста, водительские права, только их успел захватить. Я думал, тут все горит, полыхает. Подъехал, а пожарных машин нет, только там, на бульваре, милиция... сколько милиции, – Мартов протянул документы.

– Так, хорошо, Константин Петрович. Меня зовут Лилия Ивановна, я старший оперуполномоченный по особо важным делам.

– Вы сказали, место осматриваете... Что случилось?

Вид у этого самого Мартова неважный, лицо с резкими чертами помято, как будто след от подушки отпечатался на щеке. А какой еще может быть вид, когда человека будят заполошным телефонным звонком в три часа ночи? От Мартова к тому же тоже исходил резкий запах алкоголя.

Что это они тут, все алкаши, что ли? Катя понимала – сейчас, если капитану Белоручке удастся разговорить этого «продюсера», она получит о потерпевшем важную первоначальную информацию, так что стоит, стоит послушать этот допрос. Но тревога, любопытство и страх звали ее туда, обратно на бульвар. Эксперт ведь сказал, что материала для исследований достаточно. Нашли они там какие-нибудь следы? Улики? Но ливень же был, ливень чертов мог все смыть, уничтожить...

– Константин Петрович, вы кем работаете здесь в театре? – спросила Белоручка.

– Я исполнительный директор – контракты, договоры, материальное обеспечение, финансы, организация гастролей, выступлений на корпоративах – все на мне, все хозяйство. Кроме художественной и постановочной части, правда, в новом сезоне я выступаю как продюсер... Пожалуйста, скажите мне, что здесь произошло? В нашем театре?

– Это не в вашем театре, это на бульваре, – Лиля Белоручка оглянулась. – Давайте присядем, вот тут, у буфета, будет удобно. Мы расследуем убийство гражданина Колобердяева, которое...

– Сан Саныча убили? – Мартов от волнения, от неожиданности аж поперхнулся и закашлялся, попытался остановиться, но кашель бил его все сильнее. Еще резче запахло алкоголем. Мартов замахал руками. – Простите... сегодня в аэропорту просквозило... Сан Саныч... Да я же его только сегодня утром... Мы же с ним говорили... Он сегодня дежурил в ночь! Как же это... За что?

Вот и он спрашивает...

За что?

Кто?

– Колобердяев был здешний охранник? – спросила капитан Белоручка.

– Да он наш завхоз, отличный мужик, деловой, умный, хватка, как у настоящего хозяина. Мы с ним... я с ним... мы же с ним утром разговаривали, завтра хотели за стройматериалами на Окружную ехать в супермаркет, у нас тут в гримерных ремонт небольшой, пока основная труппа на гастролях... Кто его убил? Это ограбление?

– Это не похоже на ограбление. Пожалуйста, Константин Петрович, расскажите нам, что произошло сегодня? Когда вы видели Колобердяева... вообще, что он был за человек? Нам сейчас важна любая информация, вы понимаете?

– Да, да, я понимаю, но я настолько растерян... вы простите мне мой вид. Понимаете, у нас труппа на гастролях в Ханты-Мансийске. Они возвращаются через три дня. А сегодня, то есть вчера... прилетел наш администратор Говорунов Марк... С деньгами, с выручкой гастрольной, и я его встречал в Домодедове, рейс его на два часа отложили... Но ничего, долетел, ну и, конечно, потом, как водится, выпили с Марком за встречу... А Сан Саныч, он как обычно утром пришел к десяти в театр. Там по коридору его кабинет...

– Мы уже там были, продолжайте, пожалуйста.

– Он наш завхоз, а ночным охранником подрабатывает, он ведь на пенсии уже, так что деньги не лишние, понимаете?

– Где он живет? Вы знаете его адрес?

– Да, конечно, у него квартира однокомнатная на Таганке, я могу показать дом, подвозил его несколько раз, а точный адрес – у нас в компьютере, в бухгалтерии...

– Хорошо, хорошо, – Белоручка кивнула одному из коллег. – Надо вызвать срочно кого-то из бухгалтерии, найдите в списке телефон, пусть тоже едет сюда.

– Звоните Бегловой Раисе Захаровне, она имеет доступ к компьютеру и бухгалтерским документам, – Мартов похлопал себя по карманам. – Черт, сигареты в машине оставил... Я Сан Саныча видел утром, точнее где-то после одиннадцати, я уже в аэропорт торопился, мы столкнулись с ним здесь, в фойе, и я обрадовался, потому что... Короче говоря, мне вдруг позвонили из пожарной инспекции – у нас зимой еще конфликт был, приходили, проверяли, грозили театр временно закрыть, ну мы, конечно, все нарушения устранили, ну почти все... И я никак не мог их встретить из-за Марка Говорунова, понимаете, он с крупной суммой денег ехал, я обязан был его сопровождать. А с пожарной инспекцией сами знаете – говорить трудно, и поручить такое дело некому было, кроме Сан Саныча, и, когда он сказал, что все, мол, Константин, не беспокойся – решим этот вопрос, у меня прямо камень с души свалился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.